

ФАНТАСТИКА



МЕДІА
КНИГА

ВАДИМ ДЕНИСОВ
ИЗВЛЕКАТЕЛИ

Вадим Владимирович Денисов
Извлекатели. Группа «Сибирь»
Серия «Извлекатели», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Так не должно было случиться. Однако вышло так, как вышло. Глядя из привычной и, как выяснилось в сравнении, очень комфортной реальности на окружающий мир, понимаешь – шансов пройти правильной траекторией у нас было немного. Здесь же эти шансы безнадежно упущены. И никто из жителей России-2 не знает, что всё могло сложиться совсем иначе. Не в кухонных фантазиях, а на самом деле. Рассказать бы: «Знаете, есть такая Россия, где...». Но это действительно навсегда.

Вот только смотреть со стороны на агонию распадающейся, преданной страны тяжело, страшно. А ещё очень жаль простых людей, которые ничуть не изменились, заberi их отсюда, и они быстро освоятся у нас. Почему бы нет?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	36
Глава третья	62
Глава четвёртая	87
Глава пятая	110
Глава шестая	133
Конец ознакомительного фрагмента.	137

Вадим Денисов

Извлекатели.

Группа «Сибирь»

Состав группы:

Кромлев Павел, позывной «Кром», командир группы «Сибирь», 38 лет, уроженец Новосибирска, проживает там же. Стаж работы в организации «Экстра» – три года, выполняет третий рейд. Образование высшее экономическое. Не женат, детей и близких родственников не имеет.

Потапов Иван, позывной «Фантомас», боец-оперативник, специализация – транспортное обеспечение. Уроженец Нижнего Новгорода, проживает в Красноярске. 31 год, стаж работы в организации «Экстра» – два года, выполняет второй рейд. Образование высшее техническое. Сирота, воспитывался в детдоме, родителей не знает. Не женат, детей и близких родственников не имеет.

Осипенко Михаил, позывной «Лаки», боец-оперативник, специализация – силовое обеспечение, уроженец Казани, проживает там же. Образование высшее юридическое, 28 лет, стаж работы в организации «Экстра» – один год, выполняет первый рейд. Не женат, детей и близких родственников не имеет.

Рассказывает Михаил Осипенко.

Глава первая

Прибытие

Самолёт крепко потряхнуло. И опять желудок взлетел под горло.

Тряхнуло ещё раз, с верхней полки свалилась в проход объёмистая чёрная сумка, возле иллюминатора что-то тихо треснуло и тоненько зазвенело. Протяжно так. Долетит эта развалина или нет?

В своей бескорыстной любви к авиации я, конечно, готов закрыть глаза на многое и летать на врождённом оптимизме. Но только до определенного предела. Он, предел, наступил почти сразу после взлёта, оттого и возникло лёгкое чувство тревоги. Потому что эксплуатация этого борта – неуважение к старости и преступление против права человека на жизнь. Чувствуется, что аэроплан нам достался, скажем так, весьма заслуженный. Однако жадные владельцы авиакомпаний упрямо выжимают из него лётный ресурс, до последнего винтика и шпильки.

Куда ни посмотри, как ни повернись, везде что-то неприятно звенит, потрескивает и вибрирует. Спинка определенного билета кресла категорически не хотела фиксироваться в любых положениях, отличных от вертикального. Мне повезло, одно место в ряду оказалось свободным, и я смог пе-

ресесть на соседнее кресло с исправно функционирующим механизмом.

Когда я в последний раз летал на Ту-154? Забыл уже. Много лет назад, в далёком счастливом детстве. Никаких подробностей толком не вспоминается о тех детских полётах, даже интерьеры забыл. И вот, ёлки, вспомнилось... Здесь – по мелочам и в целом, – всё отличается от ставших давно привычными салонов наших «сухих», МС-21, «арбузов» и «боингов».

Хороший самолёт, между прочим. Если он находится в отличном технически состоянии, конечно. Даже замечательный, пусть и безнадёжно устаревший. Лишь бы долетел.

Двигатели расположены в хвосте, шумят они не сильно, вполне можно разговаривать, не повышая голос. Звук у движков «тушки» специфический, свистящий, и воспринимается он гораздо приятней, нежели гудение двигателей «аэробусов». Характерно, что в салоне Ту-154 совсем не слышно шумов работающей гидравлики. В А-320, например, в отличие от машины Туполева, закрылки выдвигаются громко, словно расположены под сидением, а звуки выпускаемого шасси вообще заглушают движки.

За время полета лайнер если и попадал в зону турбулентности, то она совсем не ощущалась. Не трясло. Плавный взлёт, спокойное движение на эшелоне, дай бог, чтобы и посадка прошла ровно... Вот только взлетели не сразу. Пилоты запустили двигатели, и почти тут же почему-то отключили,

снова запустили и снова отключили. Дальше – больше, к самолету подскочила техничка или аварийка, из которой выбрались несколько техников, началась непонятная суета. Народ плющил носы об иллюминаторы, смотрел на мастеровых и настороженно перешёптывался. Наконец возня у самолета закончилась, техничка неспешно отъехала, двигатели запустились, и мы наконец-то пошли на взлёт.

А вот на подлёте опять началось.

Да, сам аэроплан старенький, да, именно этот борт ещё и дряхленький, если мягко сказать. Без каких-либо современных наворотов. Нечего тут пассажиру ожидать в плане повышенного комфорта и качественного сервиса, зато не приходится и расстраиваться. Летишь, бывало, на «боинге», экраны есть, а фильмы не показывают. А вот ширина и шаг кресел в «тушке» меня совершенно не устраивают, при моем-то росте в сто девяносто... Колени упираются. А ещё в салоне пахнет ядовитой химией дешёвого стирального порошка и табачным дымом, последнее обстоятельство повергало меня в шок. Чем дальше я пробирался по тесному проходу к туалетам в хвосте, тем сильнее и паскудней воняло куревом.

Три последних ряда оказались свободными. Там, ближе к двигателям и туалетам, пассажиры обычно сидеть не хотят, при неполной загрузке самолёта пересаживаясь на другие места.

Во втором от хвоста ряду вольготно расположился единственный пассажир – рано постаревший мужчина с каким-то

словно сжатым лицом землистого цвета и нездорово выглядевшими короткими волосами на маленькой голове, Известное дело, в местах заключения лишнего здоровья не наберёшься. Ширпотребовский костюмчик, белоснежная рубаша, расстёгнутая почти до пупа, и тяжеленная золотая цепура с распятием. С «гимнастом», как говаривают в определённых кругах. На двух откинутых столиках стояли две пустые бутылки из-под шампанского и чашка с чёрной икрой, больше никакой закуски не было.

Вряд ли это вор в законе. Их реально мало, и настолько вызывающе они себя вести не будут. Занятный персонаж, определенно не вор в законе, да и на положенца-смотрящего вряд ли потянет, фактура не та. Положенец, он кто – начальник криминального участка, особый человек, который должен представлять в конкретном месте интересы «законников» и следить, чтобы территориальные коммерсанты и бандиты исправно отчисляли деньги в общак. А этот персонаж больше похож на бывалого блатняка из пристяжи реальных криминальных авторитетов. Инструкторы «Экстры» подробно растолковывали об иерархии и прочих особенностях организации криминального мира – насущная необходимость для успешного выполнения служебных заданий.

Он и курил, подлец. В данный момент времени этот весьма примечательный человек не затягивался, но его сигарета демонстративно выпускала в искусственную атмосферу салона струйку вонючего дыма. Рядом гордо лежала красная

пачка с надписью «Мальборо». Смотрите, мол, мне всё можно, вообще всё! Однако маленькие цепкие глаза, привыкшие коротко и ясно отдавать команды подчинённым, сейчас были несколько растеряны. Не своя хавира, не его это атмосфера, не понимает он её. Здесь гораздо шумней и воняет туалетом, но теперь это его временная зона, никто не подсядет. Тут тесно даже при пустом ряде кресел, а мимо постоянно снуют озабоченные хмурые люди, не по статусу высокие, опасно нависающие... Вот так, ещё и ботва шастает. Не помогает даже показная распонтовка – спинки кресел ряда, что перед ним, стоят вертикально, глухим тюремным забором, и никто не видит, как он здесь старательно жрёт чёрную икру, которую в этом мире могут себе позволить лишь немногие, и как залпом пьёт из обычного стакана дорогушее шампанское.

На меня уголовник глянул лишь мельком, без оценки. Уголовнику со стажем за время полёта всё надоело, он, как и остальные пассажиры, смертельно устал, и просто хотел как можно раньше оказаться в Домодедово.

– Зая, кудряшки поверни сюда! – громко крикнул он стюардессе, привставая и взмахивая десятидолларовой бумажкой. – Хлебца мне доставь, чёрного!

Туалеты были заняты, пришлось ждать рядом, стараясь не дышать глубоко. В закутке тоже курили, парочка мужиков устроилась прямо возле кабинок. Заодно эти двое пили тёплую водку из горла большой угловатой бутылки. Ну а что, заплатили девочкам, те глазки и прикрыли...

В толчке, другого слова не подбираю, было ещё хуже, к тесноте добавилась хорошо видимая мерзкая грязь. Крышки отваливались, бумажных полотенец не было, вода текла еле-еле. С ненавистью заглянув в мутное зеркало, я сам себе посмотрел в глаза. Они у меня бесцветные, говорят, что радужка излишне светлая, поэтому многие находят мой взгляд пугающим, безжизненным. Глаза были явно недовольны. Что ж тут поделать, терпите, родные... Несколько раз пригладил мокрой рукой серый ёжик, энергично потряс головой, брезгливо открыл мизинцем дверь и вышел. И тут же услышал грубый голос уголовника.

— Чего-о? Рот закрой, морковка! Холодное неси, без балды, тёплое я тебе на башку вылью, кукла!

Отведя душу, мужчина, спокойно достав из внутреннего кармана пиджака нож с длинным клинком и наборной ручкой, принялся неспешно нарезать тонкие ломтики чёрного хлеба на ещё более мелкие кусочки. Рядом демонстративно выложена пачка долларов — рассчитывать будет. Глазам не могу поверить, ему ещё и «холодняк» разрешили на борт протащить, немыслимо! Прав Кромвель, такую Россию сложно исправить. Момент упущен. Да и исправлять никто не будет.

Отчаянно захотелось с короткого замаха вставить правой в эту рожу сжатый добела кулак с набитыми на макиварах косточками и сразу продолжить работу серией на убой, чтобы уже через секунды скотина перестала дышать — я это умею.

Надо будет накрыть обмякшее тело уголовного тощим синим одеяльцем и сунуть все эти доллары стюардессам в лапу, чтобы отвели глаза до высадки. И ведь согласятся! Хотя нет, не прокатит. К ЧП со смотрящим они прикасаться не захотят. Это мне неизвестно, как выглядит пахан, крышующий Домодедовский район. Они многих в лицо знают, и хорошо представляют, какими последствиями подобное ЧП может обернуться.

– Как там, всё нормально? – лениво поинтересовался Кромвель, повернувшись от иллюминатора. – Что-то ты бледный какой-то.

– Ты урку в хвосте видел?

– Ну.

– Финкой хлеб режет. Ничего не боится.

– Да? Смело, это уже почти перебор, – вскинул чёрные брови командир группы. – Но это ведь не ствол. Ты ведь не удивляешься?

– Удивляюсь, – буркнул я.

– Ничего, главное в нашем деле это сдержанность, Михаил. Сдержанность и собранность. Волю себе не давай и меньше переживай, сгоришь. Это твой первый рейд, у меня поначалу так же было... Потом станет проще.

Старшего нашей группы зовут Павлом. Павел Кромлев, он же Кромвель, изредка Кром, для эфира. Это невысокий мужчина тридцати семи лет, спортивный, резкий, чуть полноватый, лишний вес выдает легко угадываемый под фут-

болкой живот. Кромвель не любит короткие стрижки, следя за тем, чтобы его почти идеально чёрные волосы не были длиннее указательного пальца, ни больше, ни меньше. А вот позади длинные, иногда он собирает их в хвост. Лицо у Кромвеля чистое, нос не переломан, несмотря на многолетние занятия боксом и прочими единоборствами. Вид у группера обычно сонный, Паша действительно любит поспать. Глаза серые, лицо неброское. Такие люди и не должны выделяться. Говорят, что и я бы не особенно выделялся, если бы пореже смотрел людям в глаза. И если бы не рост.

Посмотрел на наручные часы – подходим, скоро посадка. Газеты и журналы на бюджетном рейсе не разносили, как и борТПитание, такое удовольствие доступно только за наличные. Кромвель не стал ничего заказывать, он вообще не хочет привлекать к группе внимания. Нигде и ни в чём.

Вздыхнув, я высунулся в проход и обратил внимание на мужичка с напряжённой спиной, замершего в кресле через четыре ряда впереди. В ожидании прилёта он вытащил из-под ног и положил себе на колени блестящий серебристый кофр на замках. Такие чемоданчики с рифлёными стенками я только в кино видел. Однако же меня больше удивлял не излишне броский «дипломат», а хромированный наручник на правой руке, соединённый с чемоданчиком длинной цепочкой! Тихо присвистнув, я поманил Кромвеля пальцем и отстранился влево, позволяя выглянуть и ему.

Оценив увиденное, Паша резюмировал:

– Идиот. Мишень себе на груди нарисовал. Надо же, ведь никак не переведутся...

– Может, его тоже встречают? – неуверенно предположил я.

– Какая разница-то? Здесь человека заказать – десять тысяч баксов, если чисто и с гарантией. На тяп-ляп можно найти исполнителя и подешевле.

– А предупредить?

– Думаешь, ему не говорили? Ну-ну. Здесь никто не будет предупреждать, он уже чумной. Знаешь, сколько долларов стоками влезает в «дипломат»?

– Лимон? – взял я с запасом.

– Не... Сразу-то вам миллион подавай! Даже если это будут девственно новые банкноты в упаковке Центрального банка США, то всё равно миллион не поместится. Семьсот пятьдесят тысяч.

Уточнять, откуда Кромвель это знает, я не стал. Он не любит попусту сотрясать воздух, если говорит что-то, то знает точно.

– Мы же возим, – неожиданно брякнул он, заставив меня выпучить глаза.

– Чего-о?

– Не волнуйся, столько у меня нет, бухгалтерия «Экстры» не настолько щедра, как это может показаться новичку. Но есть... Так, значит, на выходе держимся от него подальше, такой идиот к успеху не придёт, – предупредил Павел.

– Принял.

Загорелось световое табло, сообщавшее, что жертвам рискованного перелёта пора пристёгивать ремни. По салону, даже не пытаясь выглядеть женственно, усталой коровой прошлась дородная стюардесса в синем. За ней через полминуты – вторая, худая и злая, как собака.

– Семь раз повторять? Убираем ребёнка от окна, мамаша! Не понимаем, что ли? Пристегнитесь, мужчина! – рявкнула она где-то позади.

Мы с Пашей – образцовые пассажиры. Дисциплинированно пристёгнуты, столики убраны под щеколду, спинки кресел приведены в вертикальное положение. Нам не вставили. Стюра удалилась, табло почему-то пару раз мигнуло, и почти сразу «тушку» сильно и долго затрясло. В салоне кто-то вскрикнул.

– Глотни, боец, чтобы довезли живьём! – группер протянул обтянутую чёрной кожей фляжку. Я пригубил и огляделся, не заметил ли кто.

Тряхнуло ещё раз. Заплакал ребёнок, речитативом запричитали женщины.

– Что там у стюр? – тихо спросил Паша, кивнув в сторону прохода.

– Сидят пристёгнутыми, морды каменные, ничего не выражают, – зябко пожал я плечами, оценив поведение стюардесс. Трансляция молчала, пассажирам, похоже, никто и ничего не собирался объявлять.

Тут нас крепко мотнуло в третий раз, нос самолёта пугающе опустился, раздался громкий треск и скрежетание. Салон хором охнул, взвизгнул и почти сразу заорал на голоса.

– Твою ты мать... – прошипел я сквозь зубы.

Кромвель, отвернувшись к иллюминатору, что-то внимательно разглядывал. Трясти наконец-то перестало, теперь самолёт шел ровно, с небольшим тангажом, характерным для глиссады. Салон быстро успокоился, чувствовалось, что народ в салоне собрался опытный, тёртый, привычный ко всему. И не такое доводилось пережить.

Нервы выматывал регулярный треск, мне казалось, что от несчастной потрёпанной «тушки» постоянно отваливаются лишние детали, к земле устремляются гайки и болты, куски дюралюминия и целые колёса с вылезшим кордом.

– Интересно, эта развалина всё-таки долетит? – хрипло поинтересовался я, бодрясь изо всех сил.

– Долети-ит, – совершенно спокойно протянул Кром. – Москва внизу распласталась, глянь сюда.

С высоты это Подмосковье ещё не знакомого мне мира на первый взгляд ничем не отличалось от нашего, по крайней мере, на ближних подходах к аэропорту «Домодедово». А присматриваться я не успевал, не хватало ракурсов и времени. Зараза, опять качели! И опять что-то отвалилось!

– Паша, а тут везде подобная рухлядь летает?

– Почему же? На коммерчески выгодных линиях используют вполне нормальные борта, приличненькие «боинги» и

«аэробусы». На остальной «внутрянке» – такие. Это что, есть и похуже...

– Офигенно! А в загранку?

– В Евросоюз можно улететь только иностранными компаниями, российские борта туда не пускают под разными предлогами. Так что этот рынок полностью захвачен, в основном немцами. Ещё недавно российские чартеры летали в Турцию и Египет, но у египтян третий год идёт междоусобная война, если ты помнишь, а с турками, после того, как их спецназ появился на Северном Кавказе, дипотношения разорваны. В итоге все, кто может себе это позволить, в летний сезон летает на ЧПК – Черноморское побережье Кавказа. Я туда три раза летал, попадались нормальные машины. Правда, по здешним меркам дороговато.

– А поездом, не?

– Хрен ты в сезон достанешь билеты на южное направление, только загодя. Составов не хватает, скорость из-за износа путей маленькая.

– На авто?

– По этим дорогам? Только если на БТР, – усмехнулся он. – Знаешь, какое в сезон количество нападений на отпускников?

– И знать не хочу, – быстро ответив, я задал свой вопрос: – На Красноярск такие же летают?

– Такие же. Ещё есть убитые «боинги», если повезет, хотя, по-моему, они помнят ещё Олимпиаду-80... Миша, это же

сверхбюджетные рейсы, чего ты хочешь? Из Волгограда на Москву почти никогда полный салон не набирается. Я вообще стараюсь такими рейсами без крайней нужды не летать.

Выслушав короткую лекцию, я примолк. Питание за отдельную плату, багаж по самому минимуму. Даже страховка добровольная! Скорее всего, мы с Кромом одни из немногих, включая уркагана в хвосте, кто всё-таки застраховался.

Машина качнулась, поправляя курс на глиссаде, и ускоренно пошла к полосе.

Ну, что ты будешь делать, опять трещит! Внезапно включилась радиотрансляция, и по душному салону поплыли звуки дурацкой и до невозможности прилипчивой чешской песенки «Йожин с бажен», я сразу же её вспомнил!

И мы, трясясь от страха в неисправном самолёте, с каким-то фатализмом шли на посадку под этот издевательский напев! Откидной столик передо мной сам собой упал на колени. Да что же такое творится-то, хоть колёса у этого воздушного корыта смогут выйти исправно? Господи, пронеси мимо ада!

– Слушай, Паша, так может, лучше на поезде в Красноярск маханём, а? Убьёмся ведь нафиг, не выполнив задания.

Теперь показалось, что затрещало левое крыло, а Кромель, услышав очередной пугающий звук, ответил так:

– Гады, на износ машину гоняют. Есть резон в твоём предложении, товарищ боец, есть. Особенно если учесть, что будем при оружии. Если поездом, то получится забрать посы-

лочку в Новосибирске, нужно будет позвонить, кстати, – он тяжело вздохнул.

– Хотя и на «железке» тут, Миша, как в фильмах о Гражданской войне, – продолжил он. – Всё развалили! Но поезда вроде бы пока бьются редко... В общем, посмотрим по ситуации, может, кому-то из группы придётся и самолётом.

Можно было только позавидовать шпионскому спокойствию командира. Надо отвлечься.

Тут мне вспомнилось, что давно пора задать ему интереснейший вопрос. Я не мог не спросить об этом у своих инструкторов, но был отшит, отбрит, а после снабжён инструкцией – этой темой больше не интересоваться. Спрашивать личного наставника тоже было бесполезно, тот лишь посмеивался, отделиваясь общими словами, и сразу сворачивал тему, утверждая, что это не существенно. Да как же не интересоваться?

– Кром, скажи, а наши искали в этом мире Путина? Где он вообще?

Командир ничуть не удивился. Конечно, ребята и сами задавались таким вопросом.

– Понятия не имею, Миша. Наверное, где-то в Питере, таксистом работает, если жив и здоровье позволяет.

– Запасной президент всё-таки... – осторожно прошептал я. – Ещё и моложе.

– Да никакой он не запасной! – поморщился группер. – Ты просто не представляешь, насколько сильно должность фор-

мует личность, какие линии гнёт. Как она меняет её в самой сути. Россия изменила Путина, она его сделала. И только потом он начал изменять саму Россию... При прочих равных, один и тот же человек может стать как вождём нации, так и обычным добросовестным клерком. Или таксистом-ворчунном. Путину потребовалось пройти все ступени, чтобы стать тем, кем он стал. Убери один лестничный марш, и получишь совсем другой результат. Здесь уже ничего не изменить.

– Ну, а если хотя бы двойником?

– Чего-о? Ты, смотрю, не понял. Это уже не существенно, Михаил, – повторил он инструкторские слова.

– Да понял я.

– Вот и хорошо. Да и... Короче, мы такого задания от «Экстры» не получали, а о делах центровых коллег, как ты знаешь, нам знать не положено. Нам и своих заданий, во! – он провёл ладонью нал головой, словно поправляя и без того всегда аккуратную причёску, – по маковку!

– Значит, всё-таки могли украсть? – не сдавался я.

– Тьфу на тебя! Ремень подтяни, садимся!

Колёса «тушки» вполне корректно стукнулись о бетонные плиты полосы, летчики, к их профессиональной чести, не скозлили. Реверс натянул привязные ремни, пассажиры стали радостно хлопать в ладоши. Чехи допели свою назойливую песенку.

Долетела, развалина!

– Наш самолёт произвёл посадку в столичном аэропорту

«Домодедово»! – произнёс динамик. – Температура воздуха в Москве...

Тут старый динамик, устав так долго трудиться, хрюкнул, зафонил и выключился. А бортпроводницы без аудиотехники надрываться не собирались.

Прибыли. В столицу нашей чужой Родины.

В странный мир пути не туда.

Потапов нас почему-то на выходе не встречал. Третий агент группы «Сибирь» или, как порой говорит Кромлев, боец, по какой-то причине задерживался. Мы долго ожидали начала выдачи багажа, толпились вместе с остальными пассажирами, чтобы в числе первых получить два маленьких серых чемодана. С выдачей – полный бардак. Народ с трёх рейсов нетерпеливо толкался вокруг неподвижной резиновой змеи, громко возмущался, бегал куда-то с претензиями, и опять скандалил у транспортёра... Нервы у всех были на пределе.

– На выходе в зал прилёта упрёмся в толпу. Там будет много бомбил, очень много. Ни с кем не разговаривай, – строго предупредил группер после того, как мы выцарапали из куучи-малы свои чемоданы. – Не поворачивайся и не обращай внимания, даже если будут хватать за руку. Тем более не бей никого, привлечём внимание.

– Помню, инструктировали.

– Во-во. Подожди-ка, на твоём чемодане замок вскрыва-

ли, видишь? Что-то ценное там было?

– От, суки! Не-ет... Всё ценное при себе, – я похлопал по карманам летней бежевой куртки. – Ну, сволочи, что тут сказать!

– На месте, говоришь? Тогда плюнь, просто уходим. Режем строй бомбил плечами и сразу сворачиваем направо. Если повезет, то найдём в зале свободные кресла, там я спокойно позвоню Ивану.

Ваня прибыл в Москву заранее, квартирьером, готовился к приёму группы.

Людей, встречающих прилетевшие рейсы, действительно оказалось много, и почти все – предельно наглые таксисты, выискивающие потенциальных клиентов. Никогда и нигде я не видел столько бомбил. Их никто не гонял, не мешал приставать. Чувствовалось, что здесь работает одна большая группировка опытных профессионалов, хороших психологов, умеющих и уговорить мягко, и надавить вовремя. Среди встречающих были заметны люди с испуганными лицами и табличками в руках. Они хорошо понимали, что в тревожной действительности сам факт индивидуальной встречи в аэропорту уже указывает наблюдателю, если не на особую важность, то на определённую состоятельность прибывшего.

Таксисты – особая тема. Аэропорт Домодедово всегда был вотчиной подольских бомбил и девятого Таксомоторного парка Москвы, где подольские таксисты работали ещё во времена СССР. Развернувшись в девяностые, они начали тя-

готоветь к бизнес-проектам, достаточно вспомнить легендарный «Союзконтракт» с его куриными окорочками. Домодедовские таксисты – подразделение подольских. Мне было противно смотреть на это жёстко структурированное внутренними криминальными законами скопище: стоящих впереди полновластных хозяев аэропортовской логистики, людей с наглыми рожами и крутящимися брелками в руках, и бесправных чужаков позади них. В этом загоне уставший от перелёта пассажир должен растеряться, плюнуть на плохо видимых за спинами в кожанках встречающих и согласиться на предложение бомбил.

Вскоре от колонны прилетевших не осталось никого, всех растащили по нелегальным таксомоторам. Интересно, курсирует здесь хоть какой-нибудь общественный транспорт, шаттлы от аэропорта до ближайшей станции метрополитена катаются? Командир ответил, что ходят маршрутки – частные «Газели», принадлежащие таким же пиратам вольного промысла, исправно отстёгивающим долю своей крыше. Муниципальные автобусы прибывают редко и непредсказуемо.

– Аэроэкспрессы?

– Откуда они возьмутся, Лаки, рановато им... Если уж у нас скоростные электрички с Павелецкого вокзала только в 2002 году запустили, то здесь вообще в ближайшие годы вряд ли что-то срastётся.

Позвонить Павел не успел, Иван увидел нас первым.

– Добро пожаловать в столицу! Как долетели, смертнич-

ки? – поинтересовался он после короткого рукопожатия.

– Как экипаж бомбардировщика на обратном пути под зенитками – на честном слове и на одном крыле, – в тон ему ответил усмехнувшийся Кром.

– А я тебе говорил, что надо поездом! – улыбнулся Иван, запуская руку во внутренний карман тонкой черной кожанки. – Три раза время на крыльях сэкономишь, а на четвёртый раз отправишься прямиком к Создателю... Мишка, держи свой телефон, номера уже вбиты.

– Типун тебе на язык, – махнул на него Паша.

Экипировка нового участника группы началась. Я взял протянутый телефон Nokia-3310, один из самых знаменитых и популярных кнопочных мобильных в мире, причём не за счёт процессора, мегапикселей, разрешения экрана или толщины корпуса. Надёжный, как танк. Здравствуй, время надписей «отправь SMS, чтобы заказать рингтон»! Знаю заранее, что в пригородных электричках и в киосках за десять – пятнадцать рублей продают цветастые брошюры с кодами популярных в сезоне мелодий и простеньких картинок. Вводишь на телефоне нужную комбинацию символов и получаешь новую картинку или мелодию. Помню, расходились брошюры, как горячие пирожки...

Да, это реально неубиваемая модель, способная без проблем работать годы напролет. Такой телефон имелся у отца, и он иногда давал мне поиграть на нём с полчаса. Прimitивной игры Snake, ядовито-зелёной подсветки экранчика и

набора монофонических рингтонов было вполне достаточно для абсолютного мальчишеского счастья.

– А можно чего-нибудь посолидней? – уныло поинтересовался я у Потапова.

– Чего изволите, Sony-900, Nokia-8800? Принципиальной разницы никакой.

– Вообще-то, хотелось бы смартфон с тачскрином, можно на «андроиде».

– Лаки у нас крутой! – восхитился Иван. – Извините, товарищ крутой, докладываю: из андроидных в конце года ожидается НТС, совсем недавно появился первый айфон, а Nokia-5800 прибудет в Россию только осенью.

– Осени ждать не собираемся, – предупредил группер.

– Вот так, привыкай! – подмигнул мне Ваня. – Смартфоны, видишь ли, здесь только начали входить в моду. В Москве они уже воспринимаются прохожими нормально, а вот в провинции каждый обладатель такой игрушки автоматически становится заметным. Ты ещё белые эппловские наушники там надень, ага...

Аргументировано возразить я не успел, так как Павел спокойно извлёк из кармана тот самый свежий айфон, дунул на него и потыкал в экран пальцем.

– Мобильный интернет пока никакой, плохо тянет, поисковик еле открывается, – посетовал он.

Свой телефон Кромвель забрал из схрона возле волгоградской точки выхода, в моём же отныне личном ящичке

ещё ничего не было. Не накопил добра, и в Волгограде ничего не купили. Не было времени, мы почти опаздывали на рейс.

– Вот! – воскликнул я, показывая на шефа.

– Он командир, ему можно, – пожал плечами встречающий. – А вообще-то, сейчас статусными считаются КПК со стилусом.

– А кабельный инет как? – не успокаивался я.

– В Москве и Питере вовсю прокладывают широкополосный интернет, он уже почти везде есть, – ответил Потапов.

– Не волнуйся, «звонилка» сейчас не главное. Купим мы тебе и ноутбук, и КПК со стилусом.

– Ноутбук это хорошо, а уж я его доведу до ума, компьютеры моя тема...

– Знаю, Миша. Где машина-то, Иван? – спросил командир.

– Там стоит, – Ваня неопределённо махнул рукой в сторону улицы, – пришлось ставить подальше, если ближе, бомбилы колёса проткнут. Пошли через зал.

– Может, на свежий воздух выйдем? – предложил я. Мне действительно хотелось капитально прочистить лёгкие.

– Говорю же, далеко. Асфальт разбитый, все колёса на чемоданах растеряете, пока допилим, – широко улыбнулся встречающий.

Иван Потапов ростом пониже меня, но повыше Кромвеля. Если группу поставить в ряд по стойке смирно, то ли-

ния макушек будет ровной. Снизу вверх, по старшинству. Потапов крепок и ловок, альпинист и скалолаз, силен физически. Впрочем, других в группе нет. Позывной у него звучный – Фантомас. Действительно, похож, та ещё лысая башка... Но позывные мы стараемся все не упоминать. Ширококостный, крепкий от природы, когда надо дерзкий, способный постоять за себя. Чтобы сгладить кинематографический эффект и не пугать людей, Ваня прикидывается простачком из пригорода, часто улыбается и вообще активно работает с мимикой, что позволяет ему, в зависимости от ситуации, косить то под честного труженика подмосковных ферм, то под безобидного гастарбайтера-дворника. Он отлично перевоплощается. А ещё Потапов ворчун.

– В руке понесу, подышать охота, – упрямился я.

– Там прорва курильщиков, не подышишь, – отрезал Кромвель.

Не мой день.

Постепенно набирая скорость, мы двинулись вдоль бесконечной череды ярких ларьков с самой разнообразной продукцией, мимо привлекающих слоганов рекламных щитов и танцующих огней игровых аппаратов. Группа торопливо вышагивала через это грандиозное сооружение, хорошо знакомое, в чём-то родное и одновременно неприятное, всё ещё живущее по законам дикого рынка.

Здесь всё напоминало растревоженный пчелиный улей. Потоки разношёрстной публики двигались в разных направ-

лениях, параллельно и поперёк. Ручейки людей постоянно сталкивались, ругались и толкались, закручивались водоворотами, сплетались в скандальчики и расплетались по зову информационной системы аэропорта. Челноки, прибывшие очередным рейсом из Стамбула, торопливо шли с тележками и огромными клетчатыми сумками, неизменными в любой реальности. Чуть в стороне двигались представительные мужчины в дорогих костюмах и с чемоданчиками «Самсонит». Рядом с папиками, распространяя вокруг ароматы дорогого парфюма, гордо шествовали разодетые супруги и дочери.

Тесными группами торопились к выходам простенько одетые европейцы из туристских групп. Радуюсь окончанию долгого перелёта, они были настроены благожелательно. Африканцы и азиаты с некоторой опаской присматривались к суровым русским реалиям. Просочившиеся сквозь кордоны бомжи вжимали голову в плечи. Мамаши с детьми, вынужденно отягощённые огромными чемоданами, командировочные налегке, технический и лётный состав в красивой униформе – всё они смешались в непрерывнодвигающуюся пёструю массу, наполняя гомоном огромные залы.

Из каждого ларька доносилась плохого качества громкая музыка, соответствующая личным вкусам владельца. Преобладал Дима Билан, и здесь оседлавший «Евровидение», и румынская группа «Моранди». Что-то постоянно бубнила система оповещения аэропорта с сигналом внимания на три

ноты, галдели заходящие в зал пассажиры, кричали матери и дети. Кошмар.

Инструкторы много рассказывали о криминальных структурах каждого сектора оперирования, каждый раз определяя их деятельность одним из главных факторов опасности для группы. Так что я в курсе.

Все торговцы исправно платят дань. Здешняя группировка с самого начала специализировалась на поставках в Москву партий героина из Афганистана и Таджикистана, на крышевании ряда домодедовских коммерческих предприятий. Бандитам удалось обложить данью значительную часть бизнеса, работающего не только в Домодедовском, но и в других районах Подмосковья, прилегающих к Каширскому шоссе: Ленинском, Ступинском и Каширском.

Обычно к предпринимателям приезжают около десятка молодых гангстеров во главе с руководителем силового крыла ОПГ. Мафиози умело объясняют коммерсанту, что последний занимается бизнесом на подконтрольной территории и поэтому должен ежемесячно делать отчисления в общак. Для убедительности демонстрируют стволы. Если это не помогает, гангстеры похищают жертву, избивая и запугивая. Большинство столкнувшихся с ОПГ предпринимателей соглашались платить. В результате под контролем членов группировки оказались структуры, осуществляющие сделки с недвижимостью, занимающиеся перевозками, как в этих районах, так и в аэропорту «Домодедово». Естественно, под

пресс попадут все новые рыночные торговцы и частники.

В целом же, преступность тут высокая, стрельба на улицах не редкость.

Ярко и цветасто! Безумно много рекламы, в залах она повсюду, огромные баннеры самых известных мировых фирм занимают все свободные места. Часто на глаза попадаются знаменитые американские бренды. При этом самих брендовых магазинов что-то не видать, кругом одни лишь дешёвые ларьки, они теснятся буквально на каждом пяточке. Я периодически замедлял ход, пытаюсь рассмотреть ассортимент, в котором мелкий ширпотреб соседствовал со спиртным и сигаретами. У всех есть ряды DVD-дисков с пиратскими сборниками фильмов. Поразили небольшие стопочки видеокассет с яркими наклейками. Культура этих носителей информации была мне плохо знакома, у нас к 2008 году видеокассеты если и оставались, то только в пунктах проката.

– Парни, вы видели, сколько порнухи?! Ещё и на кассетах!

– Что, душой загорелся, боец? – заржал Паша, остановившись рядом с очередной витриной. – Разглядывай, привыкай к свободе слова и полной раскрепощённости! К бардаку вообще быстро привыкаешь, начинает затягивать. Очень опасный момент, между прочим, тут сразу надо внутренний заслон ставить.

Вскоре слева я заметил большую группу людей, столпившихся чуть дальше секции регистрации – обычных зевак, а так же представителей соответствующих происшествию

служб. Что-то случилось прямо в огромном зале. Кому-то стало плохо?

– Не задерживаемся, – быстро предупредил командир, но мы успели увидеть.

Как же тут не увидеть, если тело мёртвого человека накрывать полностью никто не торопился, лишь на лице лежала какая-то серая тряпка. Конечности убитого были раскинуты в стороны. Именно конечности, одну из них трудно назвать рукой... Вздонованных в толпе не наблюдалось. Рядом с телом стояли спокойно беседующие полицейские и деловитые медики. Кое-кто из проходящих мимо людей наскоро фотографировал труп плохонькими камерами сотовых телефонов. И обязательно отдельным кадром – кровавый след, ярко-красной дугой протянувшийся от лежащего тела до лестницы, спускающейся к туалетам. Это называется следами волочения, вот оттуда бедолагу и притащили.

– Узнал? – тихо спросил меня Кромвель на ходу.

– Конечно, приметный костюмчик, да и вообще запомнил.

– С вами летел, что ли? – быстро оглянулся на труп Иван.

Правая рука покойника была ровно, словно гильотиной, обрублена почти по плечо. Одним сильным и быстрым ударом. Для такого нужна не просто физическая сила, но и квалификация рубщика, практический опыт. Ни блестящего наручника, ни рифлёного чемоданчика. Вот тебе и страховка со стальной цепочкой!

– Я же говорил, что он идиот, – бесстрастно напомнил

группер.

— Тут недавно в кафешке мужики-таксисты рассказывали о таких мудаках, — поведал на ходу Потапов. — Насмотрятся голливудских фильмов, и цепляют чемоданчики к руке. Бомбилы говорили, что месяц назад одного приезжего точно так же грохнули, с ампутацией, а вели с момента приземления. «Дипломат» вскрыли, а там одни шмотки. Так и выкинули на стоянке.

— Шмотки за такую цену... — пробормотал я.

— Сворачиваем, наш выход, — скомандовал Ваня.

Я уже без эмоций посмотрел на двух охранников, повернувшихся спиной к потоку входящих-выходящих и увлечённо болтавших с парой девиц в боевой раскраске. На рамке висела табличка «Не работает». Ну да, при таком подходе ни о какой работе по противодействию терроризму не могло быть и речи.

Уже вечерело, повсюду начали загораться ближние и дальние огни, подъезжающие к аэропорту автомобили двигались с дальним светом.

Автомобиль Потапов действительно оставил далеко, за каким-то низким синим зданием, правым бортом к лесу. Людей поблизости не видно. Транспортom группы оказался разбитый микроавтобус бледно-голубого цвета с белой полосой по центру, внутри которой через пыль пыталась светиться жёлтым надпись «Коммунальное хозяйство». Я с большим интересом обошёл машину кругом. Это был РАФ-2203 «Лат-

вия» – один из микроавтобусов и специальных автомобилей на их базе, некогда серийно выпускавшихся на Рижском заводе микроавтобусов РАФ. Такие автомобили широко использовались в СССР в качестве служебного транспорта, машин скорой медицинской помощи и маршрутного такси до той поры, когда уже в новой России их начали вытеснять «Газели», а в остальных республиках бывшего Союза – поддержанные микроавтобусы европейского производства.

Не скажу, что эта автомашина была мне в диковинку. В социальных сетях разговор о «рафике» заходил всякий раз, когда участниками споров обсуждалась тема деиндустриализации стран Прибалтики.

– Нравится тачка? – с довольным видом счастливого собственника поинтересовался Иван, осторожно хлопнув ладонью по крутому и короткому капоту. – Последний выпуск, 1997 год. Рабочая лошадка. Стоит у одной бабки в Химках за долю малую. Пятьдесят баксов в месяц, и у нас лучшая стоянка в Москве.

– Надпись для маскировки?

– Долго угадывал, Миха? – спросил Потапов с ехидством, распахивая дверь. – Садись в салон, смотри по сторонам, тебе сейчас всё будет интересно. Так, парни, разбираем маск-халаты «Вантуз». Пока не надевайте.

С этими словами он протянул нам синие спецовки и кепки. Спецодежда бывалая, с так и не отстиравшимися пятнами, но чистая. Развернув куртку, я обнаружил на спине над-

пись «Сантехучасток».

– При необходимости вот так и пойдём к объекту: Паша с кожаной папкой, я с инструментальным ящиком, да не китайским, Финляндия! А ты с раскладной лестницей.

Я посмотрел на пол салона, лестница действительно имела. Хмыкнув, без труда представил, как мы будем дефилировать... Впереди идёт шеф категории «бригадир», следом уверенно вышагивает хитрый водила из когорты «лучшие специалисты нашего ДЭЗ», замыкает звено уныло сгорбившийся дылда с дюралевой лестницей в руках, никчемный работник рода «лохопед-стажёр». Ну что же, расклад нормальный.

Сварочный аппарат, небольшие встроенные шкафчики для инструмента и материалов. Кресло в салоне всего одно.

– Оно, конечно, крутится, но ты шибко-то не увлекайся, может заклинить, – опытно предупредил Кромвель, с комфортом устроившийся на переднем сиденье. Весь экипаж был внутри, однако наш водила не торопился. Открыв небольшую полотняную сумку, Ваня произнёс:

– Стволы разбирайте, коллеги, проверяйте, подгоняйте. А сверху – спецуху, тогда можно будет и на улицу выйти для проверки, попрыгать...

В моих руках оказалась кобура скрытого ношения с пистолетом ТТ внутри и двумя запасными магазинами. Вытащил я его, как старого знакомого. Уж из «Токарева» на спецкурсах «Экстры» настрелялся от души.

– Лаки, блин, ты аккуратно верти, не пали контору, – Потапов показал мне тайник, в который можно в случае необходимости быстро спрятать оружие.

Через пятнадцать минут группа тронулась в путь.

Впереди была незнакомая Москва 2008 года, отставшая от нас более чем на двенадцать лет. Столица другого, такого странного, непривычного, даже немыслимого мира.

Глава вторая

Москва-2

Федеральная трасса А-105 на время вернула мне душевное равновесие. Сложно было ожидать, что здесь, в урбанизированной лесной просеке, могут произойти значительные перемены. Я изредка бываю в Москве, а на рекламные щиты внимания не обращаю. По-моему, в обоих мирах на них изображено одно и то же, в основном стройматериалы.

Постепенно машин на трассе становилось всё больше.

Ехали без приключений.

Возле очередной развилки расположился передвижной пост дорожной полиции – здесь так принято. Напротив поста одинокий водитель метался возле повреждённой «Волги» и, судя по артикуляции, беспрерывно матерился. Поток медленно объезжал бедолагу слева. А патрульные не обращали на него никакого внимания, будучи заняты более важным делом. Ими уже были остановлены две легковушки: серебристая «Ауди» с бельмом полиэтилена вместо части лобового стекла и синий «Пассат» в приличном состоянии. К каждой изловленной машине неспешно подошёл свой гаишник. Работали они вальяжно, в режиме «безмятежность»: лица умиротворённые, автоматы АКСУ на длинных ремнях висят не на груди, а за спиной, раструбы пламегасителей смотрят в се-

рое облачное небо. Сами транспортные средства блюстителей порядка ничуть не интересовали, как и документы владельцев, полицейские действовали по внутреннему протоколу добычи бабла.

Водители что-то коротко ответили, подтверждая согласие с негласным протоколом, не открывая двери, протянули руки, и действия сотрудников полиции сразу обрели логическую завершённость. Ни капли не стесняясь, ни от кого не прячась, патрульные охотно приняли доллары. Один из полицейских, не обращая внимания на проезжающий мимо транспорт, спокойно поднял к небу одну из купюр и проверил на просвет. Всё с ними нормально, не фальшивые ли? Завершив дело, стражи порядка синхронно козырнули, дежурно пожелав счастливого пути, и развернулись к потоку. Минутная пауза перед выбором нового источника, и охотничья стойка. Сколько же они за смену заколачивают?

Да нет... Нет, не все же. Конечно, некоторые коллеги этих полицейских, ведомые служебной добросовестностью, ставшей для них образом и нормой жизни, как и ретроградными представлениями о служебном долге, по-прежнему с утра до вечера честно тянут лямку. Их крайне мало, но такие наверняка есть! Они копаются в грязи преступлений и человеческих взаимоотношений вообще, дотла сжигают себя на работе, получая позорную зарплату, угрозы от криминала и коллег. И всё это на фоне всеобщего безделья и равнодушия. Они быстро превращаются в загнанных лошадей, не нажив-

ших к моменту выхода не пенсию ничего, кроме вставных челюстей из дешёвого пластика.

Но таких сущие единицы, хотя их социальная роль всё равно высока – пример упёртых одиночек-неудачников подтверждает убежденность остальных в правильности избранного ими пути, а хреновое имущественное положение и расшатанное здоровье добросовестных ментов служат другим наукой. С каждым годом реальных борцов с правонарушениями становится всё меньше и меньше. Кому вообще нужно бороться с преступностью, если воруют все?

В этом несчастном мире не оказалось команды имперцев, начавших свой путь в ФСБ, работавшей в региональном правительстве, а после и в высшем эшелоне власти. Не появилось Главной Банды. Некому было контролировать и вовремя останавливать зарвавшихся либералов и откровенных агентов Запада, поэтому на закате ельцинской эпохи страной фактически руководили последние. А уж после ухода Ельцина на покой и поражения в первой и последней Чеченской войне продажа Родины на вынос приняла катастрофический масштаб.

В огромной стране, лишившейся Северного Кавказа и Курильских островов, с почти уже отделившейся Калининградской областью, где хозяйничают немцы, всё плохо. В этом слабом государстве с полуавтономными сибирскими регионами, живущими с устойчивой привычкой шантажировать центр, в бывшей державе, которую внутренний спрут разди-

рает на куски, самые вкусные отбрасывая на запад, а остальные на восток, простому гражданину трудно жить иначе. Для этого нужно иметь волю и единомышленников, которые здесь и сейчас могут вызреть только в подполье.

Конечно, воруют во все времена и эпохи, и при любом строе. Но если высшая власть без всяких великих строек бессовестно ворует, раздавая, продавая либо же просто разбазаривая богатства огромной страны без какого-либо результата, действуя не в интересах отечества, а в интересах англосаксов, китайцев и японцев, то и ты не будь дураком, какого чёрта!

Поэтому государственные люди используют властные возможности исключительно в коррупционных целях. Это приносит доход, несопоставимый с должностным окладом, открывает широкие перспективы для вывода за границу, по примеру отечественных олигархов, ещё и своего накопленного. Дарит радость приобретения недвижимости в Греции, Чехии, Испании... А если постараться, то и на Лазурном берегу. Надо торопиться, пока огромная территория, сжимаясь, как шагреновая кожа, ещё существует, как страна.

Такой путь прозрачен, определён расчётом и по-своему честен – оторви своё, пока не поздно! На этом пути нужно проявлять максимальную гибкость в работе, щедро делиться с руководством, расширять полезные знакомства с иностранцами, при этом никогда не спорить с западными надсмотрщиками, прячущимися под маской консультантов, по-

мощников и инструкторов. Следует укреплять горизонтальные связи с нужными людьми на земле, оказывая им самые разные услуги, вплоть до криминальных, и не забывать об обратной связи в виде услуг ответных.

Как-то мой наставник из «Экстры» обмолвился, что верность Отечеству сохранилась у некоторой части сотрудников ФСБ, однако интересоваться этим, как и вообще пытаться найти силы сопротивления, а уж тем более участвовать в такой деятельности даже опосредованно или косвенно, группам категорически запрещено. Инструкторов спецкурсов «Экстры», как я уже говорил, особо не расспросишь, а больше и некого. Моё обучение было индивидуальным, я даже жил в отдельном коттедже, общаясь только с инструкторами и, на заключительном этапе, с ребятами из будущей группы...

Иван воткнул в автомагнитолу кассету, из простеньких динамиков микроавтобуса раздался голос стремительно набирающего популярность Стаса Михайлова.

– Йожин с бажин, и здесь он... Ты издеваешься?

– А что, по-твоему, должен слушать обычный водила такой машины? Могу поставить блатной шансон.

– Нет! Согласен на Михайлова!

– Кстати, если уж ты начал собирать присказки, то чаще используй фразу «в рот мне ноги», она популярна после перевода Андреем Бочаровым уличного английского шоу, – посоветовал Павел.

Темнело. Какое-то время я не интересовался проплывающим за окном микроавтобуса пейзажем, возясь с пистолетом и кобурой. Мужики молчали. Совхоз имени Ленина, МКАД, Орехово-Борисово...

– Куда едем, шеф? – спросил я, спрятав оружие.

– Гостиница «Ярославская», номера забронированы, – откликнулся Иван.

Я не стал уточнять, почему из множества московских гостиниц была выбрана далеко не самая лучшая, как и не самая удобная в плане транспорта. Там же пробки будут. Им видней. Значит, для текущей задачи удобен именно этот отель.

– Догоняют, – отрывисто бросил Павел.

– Что?! – не понял Потапов. Я бы тоже не сразу понял, Кромвель сказал так, словно группу кто-то преследовал.

А, увидел!

– Кorteж позади, – подтвердил я.

Наш «рафик» похож на развалюху только внешним видом. Он, как поётся в песне, из тех, что «на лицо ужасные, добрые внутри». Хорошая машина, резвая. Павел это и так знал, а мне Иван поведал, что все потроха в автомастерской были заменены на новые, включая двигатель, где это возможно, отечественные узлы вытеснил качественный импорт. Микроавтобус по трассе шёл резво, в то же время ровно и плавно.

Потапов принялся ёрзать и разглядывать зеркала. Сквозь

дымку огромного заднего стекла я заметил несущиеся следом джипы с включенными слепящими «люстрами» и синими проблесковыми маячками. Мрачноватая процессия. До нас доносилось противное кряканье сирены приглушенное расстоянием. Автомобильное движение становилось всё плотнее, напряжённей. К спецсигналам здесь все привыкли. Мигалок в потоке, как я посмотрю, по три штуки на километр, их лепят на крышу все кому не лень. Поэтому уступать дорогу кортежу никто не торопился.

Дистанция постепенно сокращалась, кортеж хозяев жизни вваливал посередине. Крякало всё громче. Ярко-белый свет «люстры» головного джипа быстро заливал всё вокруг, высвечивая каждую трещину в старом асфальте, делая видимым клубящийся выхлоп множества машин.

– Да уходим мы, уходим, задрали уже... – проворчал Иван, аккуратно отжимаясь в правый ряд, хотя поток и без того одинаково двигался с постоянной скоростью в шестьдесят. Наверное, впереди были какие-то дорожные работы.

Всё чаще подавали голос сирены, плескались мистическим голубоватым пламенем проблесковые маячки на крышах. Это было похоже на иноземное вторжение, на прорыв германского танкового клина или атаку тяжёлой рыцарской конницы. Группа чёрных автомобилей протыкала тело обыденного дорожного потока с лёгкостью горячего ножа, входящего в масло. Но заминки всё-таки случались.

Вот головной «Рендж Ровер» поравнялся с нами, теперь

ему, видите ли, мешала идущая впереди белая старушка «Тойота Марк-2», владелец которой категорически не хотел уступать дорогу. Блестящий полированной чернотой «Рендж Ровер» зло рыкнул на непокорного, взревел двигателем и опасно рыскнул вперёд. Но и это не помогло. Тогда ожил установленный за решёткой радиатора внедорожника динамик:

– Тебе что, баран, в голову выстрелить?! – зловеще поинтересовался усиленный электроникой голос.

Владелец японской машины решил больше не испытывать судьбу и ушёл влево, где теперь, парадоксальным для кортежа образом, машины двигались чуть быстрее. Но воротилам нужно ехать именно посередине. Только так! Нравится, и всё тут!

На минуту показалось, что я смотрю типичный криминальный сериал из жизни лихих девяностых нашей реальности. Сейчас по сюжету экипаж очередной неугодной сценаристу машины окажет догоняющим вооружённое сопротивление, начнётся интенсивная пальба, а к концу серии окажется, что всё спровоцировал лихой герой-одиночка со снайперской винтовкой, решивший хитро убрать всех конкурентов сразу.

Тем временем «Рендж Ровер» продвинулся вперёд и принялся запугивать новую жертву, а с нами поравнялась главная машина процессии – великолепный «шестисотый» в знаменитом сто сороковом кузове!

– Мама дорогая! Стосорокет! – не выдержал я. Было бы где встать, вскочил бы на ноги. – У нас на ходу таких уже и не видно!

– Успокойся, ты о чем, Миша? Двести двадцать первых кузовов S-класса, в том числе и шестилитровых, у нас сейчас бегают гораздо больше, чем сто сороковых в девяностые, – тут же возразил Паша.

– Всё равно, легенда же... Эпоха.

– Их уже и здесь мало, – сообщил Ваня.

Тонированные вкруговую аспидно-чёрные окна «Мерседеса» не давали возможности рассмотреть лица сидящих внутри пассажиров, да это меня и не интересовало. А вот сама машина...

Замыкающим в маленькой колонне шёл «Гранд Чероки» с группой прикрытия. Окна приоткрыты, морды явно бандитские.

– Пропади она пропадом, эта эпоха, – нехотя отреагировал командир.

– Вот какого чёрта они без мыла в задницу, а? – наконец-то начал возмущаться Иван, я ждал этого. – Ну, идите себе пока в потоке, что вы таким образом выиграете, пять минут, семь? Кто-нибудь царапнет, и начнётся...

Договорить он не успел.

Бум!

В том месте, где только что ехал головной «Рендж Ровер», коротко полыхнул огненный шарик, джип чуть подбросило

в облачке дыма, резко развернуло. Иван среагировал мгновенно и резко крутанул рулём, уводя наш «рафик» в удачно подвернувшийся карман автобусной остановки.

Из чего это так шарахнули?

– За бетон, бляха! – заорал Кромвель, и все дружно прыснули из микроавтобуса, прячась за будкой остановки, где и замерли, совершенно не желая попасть под шальную пулю.

Однако я почти тут же высунулся за угол, и всё-таки не успел отметить место, откуда прилетела первая граната. Кто-то из парней тянул меня за куртку, пытаясь уберечь дурачка от беды.

Бум! А вот второй прилёт – спереди и слева лупят! Эффектного подрыва «шестисотого» не произошло, но было ясно, что прожигающая всё на своём пути кумулятивная струя своё дело сделала, и живых внутри роскошного салона не осталось. Владелец остановившейся впереди белой «тойоты», в которую тут же вцепилась идущая позади машина, выкинул пустую трубу одноразового гранатомёта и бодро полез через ограждение на полосу встречного движения, к транспорту, поджидавшему удачливого стрелка.

Сволочь, если бы он промахнулся, то запросто мог влечь прямо по «рафику» мирного коммунхоза! Из заднего «Чероки» выскочили трое крепких парней, у одного в руках оказался автомат АКСУ, остальные принялись палить в сторону встречной полосы из пистолетов ПМ, не задумываясь о том, что от огня могут пострадать безвинные люди, случайно

оказавшиеся в эпицентре заварухи. С другой стороны тоже велся огонь, и весьма эффективный, потому что автоматчик отличиться не успел – умер сразу. Остальных парней из «Чероки» я уже не видел, как и стрелков противника, спрятавшихся за бетоном разделителя. Да не очень-то и хотелось.

Наконец стрельба стихла.

Истошно орали сигнализации, загрохотали гудели штатные сигналы, хлопали двери, громко матерились люди. Раз так матерятся, значит, повылазили. Выглянули и мы, Иван сразу же бросился проверять микроавтобус. Я отметил, что некоторые из водителей остановившихся автомобилей, ничуть не смущаясь, держат в руках пистолеты. Да уж, с нелегальным оружием, имеющимся на руках у населения, тут, похоже, всё в порядке, хватает.

В суммарный итог удачного покушения можно вписать следующее: две чадающие чёрным дымом автомашины и одну расстрелянную частично, три хладных трупа на проезжей части и неизвестно, сколько ещё тел внутри салонов... Могут быть и раненые из числа случайных людей. Сюда же попадали разбитые при спровоцированной череде столкновений сторонние автомобили.

– Сматываться надо, пока в свидетели не замели, – тревожно заметил я.

– Никому мы не интересны, как и любые свидетели вообще, – тяжело вздохнул Паша, доставая расчёску. – Те, кому это нужно, отлично знают, чьих рук дело, и разбираться с

ними будут позже, причём без дознания и следствия.

– Не подстрелили ласточку, сволочи! – обрадовано заорал Потапов, закончив осмотр транспортного средства.

– Вот и хорошо. Ждём, когда затор рассосётся, и едем дальше, – сказал командир.

– Полная дичь! У нас в девяносто восьмом беспредел всю начали душить, а тут...

– А тут всё грустней и грустней, товарищ Осипенко, – откликнулся на мою реплику Иван. – Всё больше ожесточения, люди полностью теряют страх перед законом. В столице аналогичных происшествий по семь штук на дню, если не больше. И это не считая менее кровавой мелочи, прости меня Создатель, за такое слово.

– В гробу я видел такую Россию! – вырвалось у меня стогоряча.

– Что? Ты это брось, Михаил, – строго сказал Кромлев. – всё равно это наша Россия, фильтруй базар. Не случись определённых событий, правильных шагов правильных людей в нужном месте и времени, и нас бы ждало то же самое. Просто представь это.

Нет. Я не хотел представлять. Страшно.

На Земляном валу мне опять настала пора удивляться, то и дело прилипая сплюсненным носом к холодному стеклу. Правда, нелегко определять на ходу, что именно в Москве изменилось, что было построено и снесено, и где аборигена-

ми были применены разные подходы к организации среды.

Эх, хорошо бы сразу рвануть к Университету, чтобы с высокого берега оценить открывшийся «скайлайн» и оценить всё сразу, одним кругозором. Я уже понял, что с Московским международным деловым центром «Москва-Сити» у них как-то не заладилось, Экспоцентр не достроили, Башня-2000 и мост Багратион так и не появились. Лужкова сняли с должности мэра гораздо раньше, так постарались захватившие власть в стране либералы и демшиза, позже и сами пострадавшие от репрессий. Сняли его, в том числе, и для того, чтобы энергичный московский мэр не мучил воду необдуманно политическими высказываниями, не мешал окончательной сдаче Севастополя и базы Черноморского флота, в конечном итоге изгнанного с полуострова и переведённого в Новороссийск после размещения в Крыму военно-морской базы США. Ни малейших шансов на появление здесь Собянина не существует, чуждые либералам руководители не нужны по определению.

Всё Садовое кольцо часто затянуто перетяжками с самыми неожиданными, порой просто дурно составленными лозунгами, среди которых особенно выделялась до сих пор не снятая с улиц столицы реклама «Евровидения». Пару раз в глаза бросились перетяжки, приветствующие проведение через пару недель очередного московского гей-парада. Зная об этих новациях заранее, я не удивился.

Чужой мир. Однако меня странным образом то и дело

окачивало тёплой волной приятной ностальгии. Господи, да это же «МММ»! Интересно, это всё та же фирма или реинкарнация? Торговый центр «Миллениум», такого здания я в этом месте не припомню. А ведь было дело, было! Здесь тоже наивные обыватели запутались в паутине противоречивой информации, решительно не понимая, когда именно этот самый миллениум начинается. Но они, так же, как и мы, твёрдо знали, что всем компьютерам в одночасье настанет кирдык. Так же истерили, обращались к помощи каких-то специально обученных компьютерщиков, платили за противоядие деньги... А страшный Миллениум, весело облапошив народные массы и опустошив кошельки, моментально испарился как туман, оставив после себя лишь названия магазинов, торговых центров и фирм-однодневок.

Здесь царство уличной рекламы, порой огромные цветастые щиты висят прямо на стенах домов, целыми блоками закрывая ряды окон на три этажа. Здесь московские фирмы и головные офисы, банки и управляющие компании сразу выводят большую часть средств за границу, и лишённая огромного количества источников доходов столица задыхается в тисках нерешённых проблем. Даже в Москве, по-прежнему остающейся самым богатым городом страны, большинство людей живёт на грани бедности. Поэтому ежемесячная оплата в валюте быстро находит собственников квартир, согласных терпеть эти рекламные щиты за небольшую, в общем-то, плату. И месяцами не видеть белого света.

Пешеходов и машин на улицах много.

– Да разве ж это много... Утром сам увидишь, что значит много! В этом плане ничего и не могло измениться. В столицу стекаются как умницы, можно сказать, уже последние, так и огромное количество халявщиков, – так отвечая на мой вопрос, прокомментировал это столпотворение Кромвель.

– Главное, не спускаться в метро. Там, Мишаня, полный ад, поверь, – назидательно просветил меня Потапов.

– Нормально тут с транспортными вариантами! – отозвался я невесело. – В самолётах не летай, в метрополитен не спускайся...

– Не мёд! Вот так и работаем! А ты думал, что здесь курорт и белые шезлонги? – молвил Павел. – Ничего, это ненадолго. Если завтра всё пойдёт по плану, и мы получим от контакта информацию по объекту, то уже послезавтра свалим в направлении Енисейской губернии. Здесь вообще не наш сектор. Кабы не нужда...

– На поезде, да? – спросил я командира с надеждой.

– Если время терпит, – неопределённо ответил тот.

– А вообще, часто приходится бывать в Москве?

– Частенько... – кивнул Кромвель, поморщившись. – Авиамаршрут из одного крупного города в любой другой – это обязательная пересадка в Москве. В этом вопросе здесь всё ещё печальней, чем некогда было у нас. Например, из нашего Красноярска можно улететь в Новосибирск, Томск, Иркутск, Екатеринбург, Уфу, Казань... За границу можно мах-

нуть, в Китай и Вьетнам. А в этом мире из Красноярска только три дальних маршрута: Москва, Питер и Хабаровск. Они не собираются развивать межрегиональные авиаперевозки. Да и подходящего флота не хватает.

Автомашины так и двигались сплошным потоком. Интересно оценивать ассортимент марок автомобилей столицы и их техническое состояние. Мест для парковки нет нигде, авто стоят на улицах чуть ли ни друг на друге. По идее, в этой действительности их могло бы быть и поменьше, учитывая более низкую покупательную способность населения, но и тут подсустились либералы. По требованию японцев и европейцев они полностью открыли рынок России для дешёвой авторухляди, превратив дороги страны в натуральную свалку. В результате столь хитрого хода, на котором отлично нагрелись многие ушлые люди во власти и бизнесе, в Москве полно японских праворульных авто. И вряд ли их гонят через всю федерацию, с её уже далеко не везде прозрачными административными границами и бешеной преступностью на трассах. Могут доставлять в Новороссийск или в Питер.

С одной стороны, такое решение дало возможность приобрести транспортное средство людям, далеко не богатым, с другой – убило все надежды оптимистов, мечтающих поднять на ноги отечественный автопром. Да и западные корпорации крайне неохотно размещают своё производство в России-2.

Свернули на проспект Мира, где почти всё увиденное ока-

залось привычным. Именно здесь я осознал, что постоянно отыскиваю в увиденном исключительно негатив, заранее разозлившись, нахохлившись в салоне микроавтобуса с хмурым лицом. А это неправильно. Инструкторы «Экстры» не раз предупреждали, что к непривычному миру нужно относиться сугубо нейтрально, отстранённо, только тогда можно выполнять определённые рейдом задания. Что это я, действительно?

По залитому вечерними красками тротуару спокойно гуляли беззаботные прохожие: мамы с лёгкими колясками, степенно шествующие семьи, шумная молодёжь, от избытка гормонов крутившаяся в толпе волчком. Чуть ближе к проезжей части более быстрым шагом двигались сосредоточенные деловые одиночества – торопящиеся быстрее попасть домой клерки, засидевшиеся на работе. Люди улыбались, смеялись, они во что-то верили и всё ещё надеялись, что окружающий их мир в одночасье может измениться в лучшую сторону. Ведь Москва – по-прежнему город Большого Шанса, где человеку нужно лишь вовремя заметить и успеть рвануть на себя тот самый Рычаг Удачи. Люди пили в сквериках баночное пиво, что-то жевали на ходу... Кто-то сворачивал к многочисленным кафешкам.

А нам, между прочим, вечерами посещать рестораны лишней раз не рекомендуется, дабы не увеличивать вероятность попадания в неприятную ситуацию, пусть даже случайно, при какой-нибудь разборке. Группе вообще мало что по-

казано. Зато много противопоказаний.

Заметив возле станции метро «Алексеевская» три припаркованных белых фургончика с надписями на борту «Настоящие немецкие сосиски», я, показывая на них едва ли не трясущимся от голода пальцем, не выдержал:

– Парни, давайте купим! В Волгограде пожрать не успели, гнали в порт, как бешеные. В самолёте не кормили! Зато я посмотрелся на чёрную икру, в рот мне ноги. Что, если буфет в гостинице будет закрыт? Отощаем!

За время произнесения этой голодной тирады мужики успели переглянуться, командир быстро кивнуть, а Иван – молниеносно перестроиться, направляя машину к обочине. Микроавтобус встал за фургонами, группа вышла на маленькую площадь перед станцией.

– Побольше там берите, не жмотьтесь! – змеёй прошипел я в спину группера.

Пока стояли в короткой очереди, я чуть не сгрыз рукав куртки. Толстые горячие сосиски, уложенные в глубокие пластиковые контейнеры с дижонской горчицей и кетчупом «Хайнц» выглядели чертовски аппетитно. Потапов брал снедь с собой, но я попросил добавить ещё одну порцию в контейнере.

– Ты что, прям сейчас будешь? – удивился Кром. – Гостиница рядом.

– Буду, – сердито буркнул я в ответ. – В гостинице само собой, уж мимо буфета не пройду. Вам хорошо, вы малень-

кие и дохлые, опытные тут, как я посмотрю, ко всему привычные. А я большой, мне вовремя питаться нужно.

– Возьми ему, Ваня, – сказал командир Потапову, – а то он нас схавает, видишь, какой злой.

За два укуса сожрав первую сосиску, в то время, пока наш водитель ждал заказанное, рассчитывался и проверял врученные пакеты, я снова несколько подобрел и уже мог оценивать реальность более объективно.

В этой самой реальности обнаружилось весьма интересное: нас, простых работников столичного коммунхоза, прохожие вообще не замечали. Никто не удостоил троицу в синих спецовках даже беглого взгляда. Для толпы мы были чем-то вроде жестяной урны с завитушками, вазона с маргаритками или бордюра. Да уж, камуфляжные свойства униформы тружеников вантуза и разводного ключа оказались на высоте.

Площадь перед станцией жила обычной вечерней жизнью. Молодые и не очень проститутки тесной группой невозможно расположились возле нагло вставшего прямо на пешеходной зоне серого «БМВ», внутри которого сутенёр ждал клиентов и оперативно руководил трудовым коллективом. Ночные попрошайки тихо и дисциплинированно принимали рабочие места от уставшей дневной смены и тут же талантливо перевоплощались. Сидя за картонными коробками, дюжина выходцев из Средней Азии скупала и барыжила краденными телефонами и сим-картами.

Торговцы наркоты при желании легко вычислялись, однако эти паразиты откровенно не светились, ибо всему есть предел. Бандитов не видно; пока на подконтрольной территории всё идёт нормально, засевшая в ближнем кафе боевая тройка территориальной бригады не вскинется. В общем, вечер как вечер, обычный регламент.

Подумалось, что здесь не так уж страшно. В конце концов, и в нашей реальности подобного ещё хватало на окраинах... Ваенга проникновенно пела маме о том, что она снова курит, как паровоз, реклама KFC зазывала молодёжь дешёвой синтетической курятины, рядом с девушками в клетчатом ситце шли юноши, некоторые уже начали подворачивать брючки.

На половине второй сосиски я размяк настолько, что начал счастливо улыбаться. Зря переживал, совсем неплохо! Решив поделиться светлым с друзьями, я повернулся к парням и замер, чуть не поперхнувшись куском толстой баварской сосиски.

Навстречу шли военные.

Шесть высоких мужчин в иностранной форме двигались чуть ли не строем, однако были расслаблены, с любопытством глазели по сторонам и пытались заигрывать со встречными девчатами. По выправке и возрасту было видно, что это не духи зелёные, а служивые со стажем.

– Э-э... Не понял, это ещё кто, сука?

– Войска НАТО, Миша. Именно эти – Бундесвер, – невоз-

мутимо отвечив Павел, мельком бросив взгляд в сторону бойцов в камуфляже. – Проспект Мира и ВВЦ пасут, здесь их зона консультации и обмена опытом, сейчас это называется так. На Ленинском проспекте ты тоже удивишься, там гуляют британцы, а на Арбате – американцы. В Замоскорежье... Не помню, вроде, поляков там видел.

– Так их что, много? – изумился я.

– Ага. На словах они прогуливаются, а на деле...

– На деле это называется патрулированием местности и мониторингом обстановки, – добавил Иван.

– Прибалты, знаю, возле Павелецкого вокзала болтаются, – вспомнил Павел.

– А украинцев часто можно увидеть на Таганке, – добавил Иван.

Настолько шокирующая информация доходила до меня не сразу. Я, конечно, был в курсе, что Украину с Грузией приняли в НАТО, что в России есть центральные и региональные представительства этого вражеского военного блока, но ведь не настолько же нагло, явно, осязаемо, чёрт возьми! Не по-настоящему! Ничего себе они тут «представляют»!

Тут к натовцам сбоку подсочила группа улыбающихся русских девчонок, которые с воркованием приняли вручать им гвоздики. Йожин с бажин...

– Подождите... Фрицы вот так запросто патрулируют Москву, и народу это до задницы? Да тут все с ума сошли,

не иначе!

– Тихо ты, тихо будь, – одёрнул меня группер, оглядываясь по сторонам. – Чего орешь-то? У них дипстатус.

– Йожин с бажин... Хотя без оружия ходят, тьфу ты, – сплюнул я в сторону.

– Пистолеты у натовцев наверняка при себе, – наложил на картину последний мазок Потапов, безжалостно втапывая остатки возникшего у меня было хорошего настроения в потрескавшийся асфальт.

– При себе, не при себе... Это не наше дело, – скрипнул зубами Павел. – Пусть сами разбираются. Всё, пошли к машине, пока Мишка не принялся насильно кормить их баварскими сосисками.

А мне очень хотелось их накормить, подтверждаю. Это же откровенная оккупация! Дело, смотрю, зашло слишком далеко, если вражеские войска патрулируют столицу России с пистолетами подмышками, и к тому же защищены дипломатическим статусом.

– Оккупация! – не мог я успокоиться.

– Не нагнетай, а? – негромко попросил Кромвель, забираясь на сиденье. – Это ещё не оккупация, правительство и олигархат все арии прекрасно исполняют и без них. Переходный этап, непосредственная оккупация впереди, когда Запад окончательно договорится, как именно разделить страну. А они пока договориться не могут. Успокоился?

– Ты издеваешься? – я удачно закинул пустой контейнер

в урну и полез на своё место.

Нормально сосисочек поели. Баварских. В камуфляже.

Вскоре «РАФ» свернул на улицу Кибальчича, и свет погас. В буквальном смысле, на улице и в сквере не горел ни один фонарь, контраст с ярко освещенным проспектом Мира оказался полным. Экипаж притих.

– Экономят коллеги-коммунальщики, – проворчал Иван, отвечая на так и не заданный мной вопрос. – Кстати, курточки пора скидывать, прикид оставим в машине.

Рядом с гостиницей «Ярославской» и напротив неё у обочин стояли машины, некоторые из них выглядели бесхозными и заброшенными. У «жигулёнка» из пустых глазниц фар торчали обрывки проводов, а почти новый «Пассат» заметно накренился: вместо колес с одного борта его подпирали столбики кирпичей.

Перед нами к освещённому двумя светильниками крыльцу отеля бесшумно подкатил длинный тёмный «Шевроле» с замазанными грязью госномерах, старенький, но ухоженный. Авто мягко затормозило, присев на передних амортизаторах, и выпустило наружу двух спортивного вида молодых людей в коротких кожаных куртках и адидасовских тренировочных штанах. Быстрыми шагами они прошли внутрь, на ходу копаясь в барсетках. Коротко пискнула автомобильная сигнализация, в сотовом телефоне кого-то из вышедших пропиликал рингтон из кинофильма «Бумер».

– Соседями будут, – криво усмехнулся Кромвель. – Это не местные бандиты, а очередные региональные бычки, прибывшие в столицу с нехитрой программой: «отжать поляну, закрытьшевать, реально подняться».

– Отличный вариант! – обрадовался я. – Может, встречу в коридорчике.

– Паша, как ты считаешь, может, стоит закрыть его в номере, чтобы не начудил чего по первым ярким впечатлениям? – задумчиво предложил Иван, тоже доставая брелок сигналки.

– Придётся вязать, – вздохнул группер, медленным движением растопыренной пятерни поправляя причёску. – Ладно, парни, идём заселяться. Миша, ты действительно, того, уж постарайся там обойтись без эксцессов... И знаешь, эти торпеды, – он кивнул головой в сторону входа, – меньше прочих виноваты в том, что произошло со страной. Не они всё это устроили, не они. Подумай над этим, боец.

Ну, зашибись теперь, мой группер бандосов выгораживает! Качнув несогласно головой, я подхватил чемодан и молча пошёл за ним.

Номер нам дали блоковый. За входной дверью скрывался блок-распашонка, по комнате с каждой стороны и общий для постояльцев санузел – туалет с ванной. Пробки, затыкающей ванну, не оказалось. Пожилая горничная, провожавшая нас к месту временного проживания, на мой вопрос ответила с нотками брезгливости:

– Зачем вам пробка, молодой человек, неужели вы действительно собираетесь туда ложиться? Не советую, подхватите какую-нибудь опасную заразу... Неизвестно, кто туда лазил до вас.

Командир сразу решил, где будет его спальня, а одновременно и штабная комната, ухватил свой чемодан и протянул мне взятую с тумбочки визитку:

– Интересует?

На карточке была изображена выгнувшаяся дугой пышная полуголая красотка, надпись вязью «Анжелика» и номер телефона. Бросив карточку на место, я скинул ботинки и прошёл к окну. Ну, ёлки-палки...

– Что это, Ваня? – спросил я шёпотом у напарника, показывая на еле заметные в кромешной тьме ряды крестов.

– Ярославское кладбище, – пояснил тот, на секунду повернувшись в сторону окна. – А чем ты недоволен, вполне нормальный вид, успокаивающий.

Он с пульта включил телевизор АКАI со старинным ЭЛТ-кинескопом, на первом же канале которого обнаружилась группа «Виагра», массирующая глаза телезрителя роскошными грудями и бёдрами. С улицы раздавались хлопки далёких одиночных выстрелов, ночная жизнь мегаполиса быстро набирала обороты.

Резкий звонок установленного в коридоре белого телефонного аппарата Panasonic разорвал тишину характерным переливом. Мы напряглись. Командир, вопросительно по-

смотрев на нас, медленно снял трубку:

– Я слушаю, – и он действительно начал слушать. И молчать. Минуты две. Наконец Павел суховаато произнёс:

– Спасибо, – и положил трубку на место.

– Кто звонил? – быстро спросил Потапов.

– Анжелика, – Кромвель с виноватой улыбкой пожал плечами и беспомощно развёл руки в стороны. – А я и растерялся.

Ночью захотелось пить. Мутно-серая вода из-под крана показалась подозрительной, и я вышел в коридор с наивным желанием обнаружить там кулер. Аппарат не нашёлся, зато удалось сбросить часть накопившейся злости. Какой-то припозднившийся тип быковатого вида специально толкнул меня плечом, и я с наслаждением уронил его коленом на старый красный ковёр. Нашим не сказал, ругаться будут.

Глава третья

Книги

Миниатюрное гостиничное кафе неожиданно оказалось вполне уютным местом, чистым и светлым. Шесть квадратных столиков, два окна с видом на двор, барная стойка, над которой красуются полки с цветастыми рядами бутылок всевозможного иноземного алкоголя, на стене между окнами – картина с улочкой средневекового города. Большая плазма наверху транслирует музыкальный канал. И потрясающей красоты аккордеон Weltmeister Saphlr. Перламутровый немецкий инструмент лежал на широком подоконнике и словно намекал, что вечерами в кафе может звучать живая музыка. Неужели здесь действительно кто-то играет для посетителей?

Войдя в помещение первым и оценив весь этот уют уже за приглянувшимся столиком, вспомнил, что шёл сюда, заполучив очередную порцию плохого настроения уже из окна номера, – по улице Ярославской катились американские внедорожники НММWV, знаменитые «Хамви». Два тяжёлых военных джипа вполне боевого вида, правда, без пулемётов наверху, медленно катили в сторону гостиницы «Космос». Ночью мы с Ваней два раза просыпались от звуков перестрелки и тревожного воя полицейских сирен, днём же машин пат-

рульно-постовой службы что-то не видать. Зато под окном, как ни в чём не бывало, катаются американские вояки.

Поэтому и в кафе я пришёл, ожидая увидеть в заведении очередной негатив. А такового не нашлось. Правду говорят напарники, что надо просто привыкнуть. Не так уж всё грустно, встречаются светлые пятна на тёмном фоне.

Хозяйка заведения – тёмноволосая сухощавая особа из числа тех интересных дам, чей возраст после сорока определить уже невозможно, они словно консервируются. Женщина в выглаженном сиреновом переднике принесла на подносах небольшие тарелки с мясной нарезкой, солянку с лимончиком, румяные свиные отбивные с картофелем фри и салатики из какого-то силоса. Их я заметил в последнюю очередь, не любитель. Поставив всё это на стол, она наклонилась к нам и поинтересовалась чуть хриплым голосом, интуитивно глянув в сторону Кромвеля:

– А мальчику хватит? Вон он у вас какой большой, ещё растёт.

Ваня громко хрюкнул и заржал, а я охотно откликнулся, тарелки мне действительно показались слишком маленькими:

– Не хватит мальчику! Можно ещё одну порцию отбивных?

– Сколько угодно! – лучезарно улыбнулась женщина, начиная раскручивать клиентов. – Пиво, мужчины? У меня есть отличное живое пиво. Пивоварня с хорошей репутаци-

ей, пять сортов.

– Увы, хозяйюшка, увy. Впереди у нас деловая встреча, – кисло улыбнулся Кромвель. – Сами понимаете, командировка.

– Тогда приходите вечером!

– С живой музыкой? – мотнул я головой в сторону аккордеона на подоконнике. – Отличный инструмент.

– Вы музыкант? – оживилась она.

– Э-э... Данила, – немного смутившись, я представился именем из текущей легенды, – Ну, немножко умею. В музыкальной школе учился, два года.

В ответ она ни слова не молвила, только взглянула на меня быстро и усмехнулась. Колко, иронично.

– Коллега, да он у нас ещё и гармонист! – громко восхитился Потапов, похлопав меня по плечу.

– Сам ты гармонист, это аккордеон, деревня! – возмутился я. – Уважаемая, а чёрная икра у вас бывает?

– Не бывает, молодой человек, а всегда есть в наличии, у нас солидное заведение, – значительно ответила женщина и сразу уточнила: – Бутербродами желаете или в хрустальной вазочке?

– Бутерброды, пять штук! – обрадовался я, поворачиваясь к командиру. – Сам оплачу, отдельно, командировочные ляжку жгут. Пора растрясти мошну.

Выданные мне группером карманные две тысячи баксов сотенными купюрами так и лежали в кармане без размена,

российских денег у меня пока вообще нет. Здесь все легко рассчитываются долларами, часто оговаривая заранее, в какой валюте хотели бы получить сдачу. Как в Турции.

– Раздухарился! Побереги командировочные для подарка матушке. Не мудри, – щедро махнул ладонью Паша. – Вань, ты будешь?

– Если бы пивка... А то я трезвым ездить боюсь, – ответил Потапов.

– Терпим, коллеги, терпим. Сейчас для нас главное подписать договор поставки запорной арматуры и счётчиков... Несите, хозяйюшка! Икра пусть будет чёрная, но белым будет хлеб, – заключил Кромвель.

Через несколько минут на столе появилась большая тарелка с аппетитно выглядевшими бутербродами.

– А у нас три дня назад на американский броневик напали, прямо под окнами! – сообщила хозяйюшка.

– Взорвали? – первым спросил я.

– Да что вы, ужасы какие-то говорите... Две стеклянные банки с краской бросили из проезжающей машины. Просто безобразие.

– Это кто же такие, что-то вроде сопротивления? – предположил группер.

– Полиция не шевелится. Поймать надо это хулиганье, арестовать и посадить на пару годков, чтобы другим неповадно было! – горячо потребовала женщина. – Хорошо, когда американцы по улицам ездят, как-то спокойней стано-

вится, что Америка с нами. Без их помощи нас в Евросоюз никогда не возьмут.

Группа энергично закивала головами.

Три дня мы ждали, когда нужный групперу информатор объявится на рабочем месте. Не бездельничали. Коррупционным образом приобретали всякие справки, мотались по всей Москве с попутными делами. Кромвель постоянно собирал какую-то информацию – на перспективу. Постепенно группа обростала мелким имуществом. Дело в том, что каждый новый рейд в эту реальность начинается чуть ли не с нуля. Через Рубеж ты проходишь имея при себе только одежду без торговых лейблов и деньги. Ну, ещё разрешается взять с собой немного мелочи вроде перочинного ножа. А вот сотовый телефон нельзя, как и ноутбук.

И вообще, что-либо материальное и легко идентифицируемое в этот мир лишний раз лучше не тащить. За регламентом перехода следят Вахтёры, на каждом Рубеже их по двое. Это люди, живущие в двух мирах, а работают они, не удаляясь от пункта перехода. Почему точку переброса называют «рубежом»? Ведь логично было бы назвать эту границу между мирами каким-нибудь словом на букву «П»: порог, проход, переход... Так сложилось. Изначально исследованиями феномена занимались военные, поэтому мы, по воле неизвестного, но очень секретного полковника, ходим через Рубеж.

Так даже лучше, это слово ничего не скажет стороннему

человеку, мало ли бывает рубежей. А вот «проход» явно указывает на возможность куда-то попасть...

Командир сдержал обещание, купив и вручив мне в торжественной обстановке ноутбук Dell, который я сам же и выбирал... Ёлки-палки, какой же он толстый и тяжёлый! Да здесь вся электроника такая. Конечно, мне интересно по-новому оценивать ассортимент магазинов и многочисленных ларьков с электроникой, как и запросы клиентов, убеждаясь в верности полученных от инструкторов сведений. Сотовые телефоны быстро становятся главным электронным товаром. Сейчас в моде аппарат Motorola RAZR V3 – его реклама видна повсюду, первые, ещё кривоватые «самсунги». У тех бизнесменов, что побогаче, в ходу статусные Vertu.

На телефон уже можно ставить собственную мелодию – отрывок в формате mp3, из самых модных рингтонов: имитация патрульной радиостанции «Первый, первый, я база, ответьте!», бой кремлёвских курантов, звонок старого дискового аппарата и прочая юморная фигня. Некоторые хитрецы ставят на дешёвые телефоны рингтон с Vertu и радуются, когда кто-то из прохожих оглядывается на крутой сигнал. Но у большинства звонок тот, что идёт от производителя по умолчанию. Народ обновлять имеющиеся девайсы не торопится. В развитии этого мира заметна существенная задержка, связанная, скорее всего, как с неторопливостью политических процессов, так и с более низкой покупательной

способностью населения. Их 2008 год не тождественен нашему. Есть много общего в культуре, практически неотличима материальная среда. А вот проникшие повсюду метастазы коррупционной и криминальной вольницы придётся изучать, всё это больше похоже на наш 1998 год.

Социальные сети уже есть, но не в том виде, как в нашей реальности, обогнавшей эту более чем на десяток лет. Молодёжь тут всё чаще и чаще сидит во ВКонтакте, остальные в Одноклассниках или ЖЖ. В основном там фотографии и их оценки. Уже работают молодые поисковики «Яндекс» и «Рамблер».

Магнитные носители ещё не совсем отошли в прошлое, и продаются они не где-то на периферии или на развалах барахольщиков, как это остаточно было в нашем 2008-м, но и в самом центре столицы. Уже появились торговцы новым товаром: цифровыми аудиоплеерами и DVD, у них много программного обеспечения и специальной литературы «для чайников». Эти торговцы немного отличаются от книжников, которые тоже повсюду, технологическими новациями занимаются щупленькие, очкастые, интеллигентные ребята. А вот диски Blu Ray мне на глаза пока не попадались.

Фильм «Аватар» в прокат ещё не вышел, 3D-мания не началась. По всему городу стоят самодельные раскладные столы с пиратскими DVD-фильмами, за ними сидят угрюмые и настороженные продавцы, вечно выглядящие из-за стопок, как контрабандисты.

Люди честно радуются любой попавшей в руки электронике, обществу она ещё не приелась. Сидеть в кафешке с открытым ноутбуком — это модно, круто, и лучше расположиться у окна с видом на оживлённую улицу. Телефоны выставляют напоказ, хвастаясь моделями, потому что все аппараты разные, легко узнаваемые издали. Ничего, скоро и здесь безликие смартфоны напрочь убьют аппаратную индивидуальность обладателя, об эффектных «раскладушках» придётся забыть.

Сегодня контакт объявился. Павел с ним уже связался, предупредив, что скоро приедет. Если информация по местонахождению объекта будет получена, то столица услышит от нас слова прощания.

Через час вышли на улицу.

Стояло тёплое солнечное утро. Нет, уже день, так будет правильной. Действительно, и чего это я решил, что этот мир полностью в дерьме? Погода звенит, настроение после сытного и вкусного завтрака замечательное. Бандитского «Шевроле» возле входа не оказалось, братва уехала на работу, пора и нам.

«Рафик» выехал на Кибальчича, затем свернул на улицу Павла Корчагина.

В этом мире книжная торговля всё ещё процветает, столичный и российский рынок осваивает огромное количество издательств самого разного профиля, сетевые книготорговые фирмы и фирмочки, последних больше всего. В одну из

таких коммерческих организаций мы и направлялись. Пропетляв между домами, постучав колёсами по рытвинам, Потапов второй раз произнёс что-то про «оленевода на вас нет» и в сердцах высказался:

– Как они тут без навигаторов живут?

– Да, Ваня, было такое время, когда каждый московский таксист вполне справедливо считался краеведом... – ностальгически заметил Кромвель.

Автопроизводители только начали осваивать на российском рынке сегмент систем спутниковой навигации, и первой стала компания BMW, выпустившая диски с картами Москвы и Подмосковья. За такую навигацию покупателю придётся заплатить дополнительно 3800 евро. Я рассматривал в автосалоне это чудо информационных технологий, где вместо кириллицы используется транслитерация, а детализацию карты никак не назовешь выдающейся, косяк на косяке. Даже имея необходимые средства, группа не может поставить такое устройство на коммунохозовскую машину. Явная засветка, бросающееся в глаза несоответствие. Да и выломают сразу.

– Ездим по кругу, как последние лохи, – ворчал группер. – Дел на каких-то десять минут, а кружим полчаса.

– Ну а я что, виноват, по-твоему? Половина домов без табличек! – вяло оправдывался Потапов. – Оленевода на них нет.

Наконец Павел что-то заметил.

– Стоп, здесь! – командир открыл дверь и вышел из микроавтобуса, остановившегося возле крытого шифером круглого козырька над лестничным маршем – спуска в подвал. Я, не увидев поблизости баннера или вывески с названием фирмы, опять принялся выискивать номера домов, а Иван спросил:

– Какие разведпризнаки, шеф?

Подняв с земли белое кольцо из спаянной пластиковой полоски, командир показал её нам. Неподалеку лежали и другие кольца.

– Это обвязка так называемого «стандарта», книжной пачки в толстом крафт-картоне. Значит, именно здесь книги перегружают в подвальный склад фирмы. Кстати, так их бросать не следует, это же настоящие ловушки. Одной ногой наступишь, другой зацепишься, – и ты уже на земле с разбитым носом.

– Наш адресочек, фирма «Ирбис» находится здесь! – подтвердил я, наконец-то заметив облупившуюся табличку, на которой что-то можно прочесть. – Между прочим, минут десять назад видел такие петли и в другом месте.

– Да тут полно книжных контор! – кивнул Кромвель. – Метро «Проспект Мира» недалеко, а там находится крупнейшая книготорговая оптово-розничная толкучка – «Олимпийский». Для нас это просто бывший спортивный комплекс, а ведь некогда там была настоящая книжная Мекка... Помню, в выходные с «Олимпийского» не вылезал. Эх,

славные были времена, современным молодым непонятные.

– Чего это непонятные? – искренне возмущился я. – Глу-
пости говоришь. Тоже частенько там бывал! С детства много
читаю.

– Сколько же в 2008-м было годков нашему юному биб-
лиофилу? – насмешливо поинтересовался Потапов, хотя ему
был хорошо известен мой возраст.

– Дурака не валяй. Кстати, я тогда как раз только дембель-
нулся, ещё с родителями жил. Читать ударился, как бешен-
ный.

– И сколько же ты с мамой прожил? – не унимался Вань-
ка. – Как раз тогда и начало появляться племя маменькиных
сынков. Моя родственница своего охламона до тридцати пя-
ти не могла выгнать из дома.

– Нормально всё, не переживай. Работал на основной, ещё
и компьютерами занялся. Через четыре года уже купил хо-
рошую однушку в Казани, – с вызовом ответил я. – А ты ко-
гда своим жильём обзавелся, взрослый такой?

– Ладно, ладно, не самовозгорайся, – остановил меня ко-
мандир.

– Все идём? – осведомился у него Потапов.

– Нет, Фантомас, ты останешься в машине, не будем лю-
дей пугать. Два мужика это, скорее всего, обычные визитё-
ры, а вот три – уже возможная пробивка точки или попытка
смена крыши начальниками местного землетрясения.

Внизу было прохладно и темно.

Лапочки светили слабо, глаза не сразу привыкли к сумраку. В подвале обнаружилось просторное хранилище, уставленное рядами деревянных паллет с огромными кубами тех самых книжных пачек. Часть рядов была затянута сеткой, это защита от воровства. Здесь же, на пустом поддоне лениво курили два грузчика звероватого вида, похожие друг на друга, словно братья-погодки, и удостоившие нас лишь мимолётными взглядами. Рядовые работяги, не любящие напрягаться, тем не менее, были наготове – они держали рядом с собой пару длинных прутьев из арматуры с витым рисунком проката, концы которых были для удобства хвата обмотаны черной изолентой. Ну и рожи! Всякое бывает в опасном книжном деле, разные люди сюда заглядывают.

От нижнего края одного из забранных решётками слуховых окон вниз был проложен длинный желоб из оцинковки, по которому, как я понял, в подвал спускают книжные пачки, сгружаемые с грузовиков. В конце помещения виднелась обитая металлом дверь, за которой находились офисные комнаты и стеллажи с книжной выставкой.

– Не торопись, Лаки, я первым зайду, – негромко предупредил Кром.

Кивнув, я вернулся к паллетам и принялся читать этикетки на пачках от издательств, многие из которых у нас уже перестали существовать: «Ниола – 21 век», «Олма-пресс», «Мнемозина», «Нева»...

Мы оказались не единственными посетителями подвала. Не успев начать разговор с нужным человеком, менеджером фирмы «Ирбис» по имени Виктор, Павел вынужден был прерваться, ожидая, когда тот закончит работать с подошедшим клиентом.

Это фирма-коллектор, накапливающая с помощью книгообмена с коллегами широкий ассортимент и предлагающая его для реализации оптовым и розничным торговцам. И в нашей реальности раньше было много маленьких книжных издательств и мелких перекупщиков, частенько работающих в точно таких же подвалах. Ведь именно книготорговцы, пожалуй, стали пионерами капитализма в новой России, до них малым бизнесом занимались разве что фарцовщики. После наступления эры капитализма многие из предприимчивых людей подались в этот новый бизнес, где правоохранители и инспектирующие органы поначалу на многое закрывали глаза, в силу по-советски особого отношения к книге и чтению вообще. Это если смотреть в прошлое романтическим взглядом. На самом же деле долгое время ни правоохранители, ни криминалитет понятия не имели, да и представить себе не могли, какие огромные деньги вращались в среде «книжных червей», «ботаников» и «очкариков».

Менеджер по имени Виктор в излишне, пожалуй, просторной светлой куртке, под лапами которой вполне мог оказаться пистолет, терпеливо выслушивал нудного клиента. Переспрашивал, уточнял, добросовестно советовал, то и де-

ло подходя с ним к стеллажам, что-нибудь там показывал, отбивал в простейшей DOS-программе накладную за накладной. Нам же приходилось терпеливо ждать, чтобы поговорить без чужих ушей.

Пользуясь моментом, я и сам двинулся вдоль стеллажей, принявшись изучать содержимое книжной выставки и постоянно сравнивая ассортимент с нашей реальностью.

В части переиздания иностранной литературы разницы я не заметил. Вот вам Майер со своими «Сумерками», после которых по планете покатился медийный вал вампирятины, вдохнувший новую жизнь в угасающую субкультуру эмо и готов. Так же, как и у нас, популярны Пауло Коэльо и Дэн Браун.

Год назад исправно вышла легендарная компьютерная игра «Сталкер», и книгоиздатели не замедлили откликнуться целым валом книг. А вот серия «Спецназ» развиваться не успела, она здесь совсем куцая, свежих книг нет. Всё закономерно. На Земле-2 не было победы во Второй чеченской войне, поэтому не возникло и культа воина-победителя.

С патриотической литературой вообще грустно, либеральный идеологический контроль в принципе не одобряет издания подобного чтива. Таким авторам к бумажной книге не пробиться, как не видать им литературных премий и упоминаний в либеральной прессе... Хм, интересно. Надо будет посмотреть сетевой самиздатовский ассортимент, хоть там не всех патриотов развенчали-извели? Что они пишут,

сколько у них читателей?

Не видно Бушкова, а ведь он был уже образцово популярен, в том числе и у меня, нет Корецкого, жёстко проявляющего криминальные ужасы времён начала дикого капитализма. На месте Веллер и Юрий Никитин, перебежчик Резун-Суворов, Тополь и Незнанский. Всё в порядке у Робски и Хакамады, Санаев просит похоронить его за плинтусом, процветает будущий публичный либерал Акунин. Женщины зачитываются любовными романами Вильмонт, Платовой и Дашковой.

Лукьяненко, Маринина и Донцова и здесь в безусловных топах. Книг Лукьяненко, правда, мало, он не либерал, нечего его баловать. Люди всё так же верят писанине Маловичко, Правдиной и Свияш. В детской литературе началась эпоха космополитичного Лунтика. Фантастические серии стоят в узнаваемом оформлении: «Звёздный лабиринт», «Абсолютное оружие», «Фантастический боевик», непропорционально много юмористической фантастики, чувствуется, что на смехка приветствуется.

А вот с известными авторами сплошная нестыковка. Здесь жизнь обошлась с будущими знаменитыми писателями по-своему, разными дорогами пошли перспективные авторы. У кого-то из них в силу жизненных обстоятельств не возникла необходимая для писательства мотивация, кому-то в либеральной среде не удалось пробиться к издателю. Зато в знакомых сериях встречается много незнакомых фамилий.

– Простите, а Калашников у вас имеется? – не выдержал я.

– Это который? – откликнулся менеджер, с удовольствием отвлекаясь.

– Ну, он написал «Сломанный меч Империи», например. А из нового – «Будущее человечество».

– Мистик-авангардист?

– Публицистика, политическая журналистика.

Книготорговец отрицательно помотал головой.

– Андрей Круз? Каменистый, Корнев?

– Впервые слышу.

– А Денисов?

– Имеется в виду Вадим Денисов, северянин-эзотерик, автор цикла для антивеганов «Лечебные медведи России»?

– Не-не, такого Денисова нам не надо!

Обалдеть! Заметив моё изумление, командир незаметно толкнул меня локтем в бок: не болтай лишнего, не буди в человеке ненужный интерес. Запомнит, начнёт выяснять, что это за авторы такие.

– Что-то не вижу... Политическая литература у вас где стоит?

Виктор еле заметно поморщился.

– Мы, знаете ли, всё больше специализируемся по художественной литературе и развлекательному чтиву. Немного прикладной, немного детской, – сказано это было так, чтобы я понял намёк: не приставай с расспросами по теме, тут это не принято. И такой ответ меня несколько воодушевил.

Заподозрив неладное, я обратил читательское внимание на полки и стеллажи с «попаданческой» фантастикой, на книги, герои которых перемещаются в другие эпохи, так или иначе пытаясь поменять ход истории. Действуют они самостоятельно, авторски, так сказать, либо же вселяясь в тела вождей, полководцев и прочих исторических личностей. У нас такие удалцы хитрыми способами прорываются к Сталину с чертежами автомата Калашникова и гранатомёта РПГ-7, чертят подробнейшие карты будущих эпохальных битв и вовремя предупреждают советских генералов о тактических и стратегических угрозах. А как с этим здесь?

Прочитав несколько аннотаций и бегло пролистав парочку книг, я убедился, что предчувствия меня не обманули, попаданцы и тут без спросу лезут в тела великих!

Например, в тело енисейского таёжника-промысловика из приполярного села Курейка, чтобы задушить Иосифа Сталина ещё в туруханской ссылке. Или в тело Сталина, чтобы задолго до Революции уморить Ленина и не допустить создания СССР. Естественно, забираются они и в тело Лаврентия Берии, чтобы отравить Сталина. Лезут к Хрущёву и Брежневу, стараясь разрушить СССР как можно раньше. Никаких чертежей и карт такие попаданцы с собой не несут. К слову, мне показалось, что в этом мире поджанр начал развиваться несколько раньше, и весьма успешно используется в пропагандистских целях.

Подумалось: в реальности моей России в обществен-

но-политической жизни активно участвуют либеральные опорные точки, будь то издательства, культурные центры, СМИ и прочие организации и структуры. Интересно, есть ли здесь некие центры патриотических сил, действующие легально и хотя бы с частичным государственным финансированием? Вряд ли. Либералы такого не допустят.

Наконец клиент удалился, засунув стопку накладных в папку, и Кромвель приступил к делу. Предъявив письмо и маленькую посылочку с подарком из Волгограда, он произнёс несколько сопутствующих фраз и наконец-то получил этот чёртов адрес явки объекта в Красноярске. Сделано!

Помня наставления инструкторов «Экстры», я и не подумал интересоваться, каким образом уникальный учёный и технолог, много лет проработавший в атомной промышленности державы, мог попасть в мутный книжный бизнес, оказаться на должности подвального завсклада в работающей по-серому московской фирмочке. С этим всё понятно, в постперестроечные времена жизнь и не так людей бросала. Тогда на передний план вышел критерий личной материальной успешности. Знаменитая фразочка еврейского происхождения «Если ты такой умный, почему такой бедный?» оказалась популярной в разговорах за жизнь.

Какая разница, кто ты по жизни: хорошо зарабатывающий чиновник муниципалитета, лихой бомбила, рэкетир, шарлатан с бубном и свечами или продавец за прилавком? «Сколько имеешь?» – вот ключевой вопрос. У нас в разгар святых

девяностых после успешного развала отраслей промышленности и целых стратегических направлений вообще-то началось то же самое. Однако Кромвель по одному ему ведомой причине сам затронул эту тему.

– Интересные времена! Я же сам химик по образованию, в пищепроме работал... – добавил он, искренне поблагодарив Виктора. – В начале девяностых начал таксовать, потом в Турцию челноком мотался. А в итоге занялся металлообработкой титана. Сейчас сам удивляюсь!

– Все мы удивляемся, – охотно подхватил тему менеджер, поправив что-то под полой. – Мне тоже лет пятнадцать назад в голову не могло придти, что я брошу успешную педагогическую деятельность и займусь книготорговлей. Для человека науки, знаете ли, шагнуть в дикий малый бизнес – непростая задача... Вот и Гена Ложкин постоянно изнурял себя интеллигентскими комплексами, через которые так и не смог переступить. Из-за этого он отказался работать продавцом на уличной точке возле метро. И я отлично его понимал! Как же так? Меня, без пяти минут доктора наук, коллеги могут увидеть за лотком в роли извечно презираемого учёным людом торгаша... Переломить себя не так-то просто! Ложкин начинал у нас грузчиком, но уже через месяц стал завскладом. Отменный порядок держал, надо сказать, коллеги расстроились, когда Геннадий сказал, что решил вернуться в Енисейскую губернию. Ценный работник. У него в прошлом были какие-то серьёзные неприятности с криминалитетом.

Всё это накладывало отпечаток на его поведение.

– Про неприятности мы немного в курсе. Ничего, предложим ему очень достойное занятие, да ещё и по профилю! – с нескрываемым оптимизмом заявил Кромвель. – Без всех этих секретных ядерных страстей, конечно. Тем не менее, у нас современные разработки, сложные узлы, отличные перспективы, выгодные контракты...

– Ну-ну, дай-то бог, удачи вам, – с недоверием, хоть и вежливо, хмыкнул менеджер, прекрасно помнящий всех гениальных выскочек, встретившихся ему на жизненном пути, как и то, сколько замечательных проектов на его памяти улетело в финансовую или криминальную пропасть. – Кстати, молодые люди, знаете, что... А ведь вы не первые, кто заинтересовался Ложкиным. Позавчера к нам заглядывали какие-то интересанты.

– Артёмка! – тут же заорал я, вытягивая вперёд руку с раскрытой в возмущении ладонью, – Артём Збых! Лысый такой, высокий и плотный, правильно?

– Конкуренты наши, сволочуги, – нервно двигая бровями, уточнил Кромвель, подхватывая сценарий. – Тоже по насосам для нефтянки работают, паразиты.

– Зря мы с ними в кабаке сидели, на ходу подмётки рвут! – продолжал я бушевать. – А второй толстенький, мне по плечу?

– Извините, сам я их не видел, с ними коллега разговаривал. Вряд ли эти люди имели отношение к науке и производ-

ству, судя по описанию коллеги. Скорее, к насосам бандитского мира.

– Вот как? – напрягся командир. Я тоже.

– Господа, вы же, надеюсь, понимаете, что им никто ничего не сообщил! Мы не раскрываем личные данные сотрудников, пусть даже бывших, так дела не делаются, мало ли что, – успокоил нас Виктор и ещё раз улыбнулся. – У вас имелась рекомендация, просьба от моего хорошего знакомого, письмо, в конце концов. А уж тут...

Напоследок я с оптовой скидкой купил у него пару книжек серии «Фантастический боевик» с неизвестными мне ранее фамилиями авторов, на чём мы душевно распрощались и пошли на выход.

На улице Кромвель обернулся, сжал подбородок ладонью и напряжённо произнёс сквозь пальцы, спрашивая не столько меня, сколько себя же:

– Ну, и кто это мог быть?

– Трудно сказать, командир, полный простор для фантазии, – пожал я плечами, тем не менее, высказав ценное соображение: – Скорее всего, это действительно были бандиты, вряд ли книжники ошиблись, они люди опытные. А вообще, хреново это, Паша.

– Ещё как хреново, Миша. Очень хреново. За три рейда подобная ситуация возникает впервые. Впрочем, опыт у нас пока небольшой. Зачем Ложкин мог понадобиться бандитам? Они и так уже всё у него отжали.

Опыт у группы действительно минимален. Кромвель проходил сюда через Рубеж трижды, Иван – второй раз, а я путешествую между мирами впервые. Ведь, по сути, по некоторым направлениям «Экстра» только начала работать.

– Он был носителем госсекретов? – спросил я.

– Думаешь, так? Ого... Наверняка не знаю, хотя ошибиться здесь трудно. В нашей-то реальности допуск он точно имел. Только здесь все мало-мальски существенные госсекреты слиты нынешним союзникам и партнёрам много лет назад.

– То есть, это не спецслужбы?

– Понятия не имею, во что Ложкин мог влипнуть по пути из Москвы в Красноярск или находясь уже в столице губернии. Где он был, чем занимался? Пока что очевидных причин для возникновения такого интереса со стороны неизвестных лиц не вижу. Черт! Всё это мне совсем не нравится.

– А смежники?

– Группа «Центр» здесь точно ни при чём, исключено. Задачи не пересекаются, в Конторе за этим следят.

– Эх... Надо было как-то расспросить Виктора о тайственных визитах поподробней, – пожалел я, оглянувшись на чёрный провал входа в подвал книголюбов. – Может, вернёмся, Паша? Всё-таки разузнаем, как они выглядели, не имелись ли особые приметы.

– Хорошо бы, Миша, да нельзя, лимит казусного доверия исчерпан. Это была граница праздного любопытства, учись

её видеть, учись... Сам Виктор визитёров не застал, а просить его поинтересоваться у сослуживцев опасно. Не нужно, чтобы к нам присматривались уже двое. Начнут вспоминать за бутылкой чая, задумываться, обсуждать.

– Вернуться эти неизвестные могут?

– Я обязан исходить из того, что могут, – тяжело вздохнул Кромвель. – Ладно, адрес получен, можно работать дальше.

Подходя к микроавтобусу, увидели Фантомаса, ножным насосом подкачивающего заднее колесо.

– Получилось? – сразу поинтересовался он.

– Да, но с некоторыми нюансами, – коротко ответил командир. – Тебе помочь?

– Уже всё, сейчас поедem.

– Ну, тогда в машине расскажу, – пообещал Кромвель, взявшись за ручку двери...

Щелчок открываемого замка прозвучал громко, как взрыв!

Да это и был самый настоящий взрыв – его силу и резкость не смогли приглушить расстояние и стоявшие на пути звуковой волны многоэтажные дома. В соседних дворах тут же истерически запиликала сработавшая автомобильная сигнализация, где-то на верхних этажах многоэтажек хлопнули окна, на асфальте очередями зазвенели стёкла разбитых форточек.

– Что это было?! – выдохнул Иван, невольно приседая,

как и я.

Из подвала книготорговой фирмы на улицу выскочил встревоженный менеджер Виктор с сотовым телефоном в руке и оба грузчика с арматуринами наперевес, и все они сразу начали смотреть в верном направлении – туда, где над возвышавшейся вдалеке громадой гостиницы «Космос» начали подниматься разрастающиеся клубы густого чёрного дыма...

– Пожар? Что это так рвануло? – спросил я.

– Очередной теракт, вот что, – не глядя в мою сторону, уверенно объявил Виктор, торопливо набирая на телефоне номер. – Алло! Светочка, зая, ты где находишься, у тебя там всё нормально? Что-что? Плохо слышу, связь барахлит, дети с тобой? Хорошо. А у нас тут «Космос», похоже, взорвали, представляешь! Да, опять. Нет, я ещё на работе. Где-то через полтора часа, куда-то нужно заехать? Понял, кефир. Ага, целую.

– Твою ж ты мать... А ведь крепко бабахнуло, – отметил командир. – И что, частенько такое бывает?

– Четвёртый взрыв по Москве за эту неделю, – мрачно сообщил книготорговец. – И самый серьёзный, судя по мощности.

– Поехали, Костя, посмотрим? – предложил я групперу.

– Осторожней там, слишком близко к месту происшествия не подъезжайте, чтобы не попасть в зону оцепления, потом геморроя не оберётесь с ментами, – по-дружески предупредил Виктор. – Или вы в «Космосе» и остановились?

– Не, бог миловал, мы в Измайлово встали, – легко соврал Ванька.

– Тоже лихое местечко, – неодобрительно поморщился менеджер, – я бы вам и там не посоветовал останавливаться, слишком уж крупная мишень. Многолюдная. В Москве лучше выбирать небольшие гостиницы, и не в самом центре, там вас ещё и налётчики могут крепко расстроить.

– Ценный совет, спасибо, – задумчиво произнёс командир.

– В рот мне ноги, мужики, как же хорошо жить в родном Новокуйбышевске! – воскликнул я, озвучивая город, откуда мы прибыли согласно легенде прикрытия. – Никаких тебе терактов!

– Зато гопоты больше, – громко проворчал Павел. – Ладно, счастливо оставаться! А за совет спасибо, учтём.

Итак, вот что известно. Интересующий нас объект находится где-то в Красноярске, он прячется от преследующих его людей, предположительно, криминального генезиса, и у него есть целых четыре дня форы.

Старый номер сотового телефона объекта бесполезен, командир его уже прозвонил, и не раз. Роуминг здесь дорог, поэтому люди предпочитают сразу по приезду в новое место брать региональные карточки. А проще всего сделать это прямо в аэропорту прибытия или на железнодорожном вокзале, где все «симки» серые. Концов не найдёшь.

Глава четвёртая

Оружие

Потапов хитрым зигзагом провел микроавтобус дворами, в конце маршрута поставив машину во дворе, за гостиницей «Золотой колос». Постов оцепления поблизости не было, обнесённая флажками и лентами граница проходила чуть дальше, на полосе парковой улицы Космонавтов, мимо которых к месту происшествия сейчас подтягивалась ещё две пожарные машины. Прилегающую улицу Бориса Галушкина тоже сразу же оцепили.

Двор быстро становился людным, становилось тесно. Террористический акт, произошедший в одном из самых примечательных зданий Москвы, естественно, привлёк к месту происшествия массу зевак. Местные жители глазели на происходящее с балконов и из распахнутых окон, а самые любопытные из проезжавших рядом водителей сворачивали вслед за нами. Собравшиеся в группы прохожие охотно, с развёрнутыми комментариями рассказывали друг другу свежие слухи, отмечая, что самое интересное уже позади, сегодня ещё раз не «подзорвут».

Дыма уже стало поменьше, а к зданию отеля прибыли все оперативные службы: ФСБ, спасатели, пожарные, специалисты медицины катастроф, полиция. Где-то рядом организо-

ван штаб пожаротушения.

Проспект Мира, как я понял, наглухо встал в пробке, а к покалеченному «Космосу» на наших глазах прибывала всё новая и новая спасательная техника. По словам зевак, мощный взрыв произошёл в центральном холле, после чего начался катастрофический пожар, быстро захвативший и другие помещения.

Эвакуация шла интенсивно, многие гости не успели взять из номеров даже верхнюю одежду и теперь стояли на улице, кутаясь в покрывала. С того места, где мы стояли, не было видно центральный вход внизу вогнутого фасада здания, поэтому степень разрушений оценить невозможно. Но вся центральная часть всё ещё была скрыта густым дымом, из-за чего казалось, что горят все этажи огромного здания, хотя языков пламени я не увидел. С обеих сторон знаменитой гостиницы к весёленьким кучевым облачкам поднимались пугающие чёрные клубы. Чтобы добраться до горевших помещений, спасатели и пожарные применили автолестницу, почему-то всего одну.

Иван тем временем крутил ручку автомагнитолы, рыская по FM-радиостанциям столицы в поисках хоть какой-нибудь информации, и тихо ругался:

– Одна музыка и реклама...

Наконец он что-то поймал, призывно махнув нам рукой. Абсолютно спокойный женский голос быстро поведал слушателям, что в здании гостиницы произошёл пожар, точных

сведений о жертвах и разрушениях нет, данные уточняются, работает штаб. После чего эфир опять заполнила весёлая реклама.

– Ага, пожар у них, как же, в округе уже каждая кошка знает, что это очередной теракт, – зло произнёс Кромвель и неожиданно сменил тему. – Михаил, ты обратил внимание, сколько на улицах семейных кавказцев, причём из бедных слоёв? Я в своё время сразу это отметил. И у всех них есть один большой и горький вопрос к России, которая не смогла, да и не захотела спасти, сохранить у себя эти республики.

Беженцев действительно много. В нашей реальности я не раз слышал разговоры о том, что хватит кормить Кавказ. Здесь его решили не кормить, не сохранять и не освобождать от исламских радикалов и террористов – Чечня и Дагестан отделились. Территории Северного Кавказа оказались под усиливающимся влиянием проповедников-эmissаров Халифата. И всё это происходило в сочетании с непрерывной междоусобной войной кланов и группировок. С целью защиты Азербайджана и закрепления на месте, как ключевого игрока региона, на брошенные Россией земли тут же влезла Турция, а в Грузии и Армении появились европейские и американские военные базы.

Добившиеся суверенитета автономии Северного Кавказа повели себя более чем странно. Вместо того чтобы начать стремительно богатеть и процветать, о чём всем и мечталось, они быстренько развязали длительные, не имеющие мирно-

го разрешения кровавые конфликты. Благо, поводов было предостаточно – вековые споры о земле, мнимые и реальные обиды, кровная месть. Особое место в череде самых кровавых конфликтов заняли религиозные противоречия.

Ни богатства, ни процветания всё это, естественно, простым людям не принесло, а единственным выражением суверенитета стали набеги с территории таковых автономий вооруженных банд, потоки оружия, контрафакт всех мастей, транзит и производство на месте лёгких и тяжёлых наркотиков, да постоянные угрозы захлестнуть волной террора бывшую метрополию.

А проклятой имперской России – безусловной виновнице прошлых и всех будущих бед маленьких, но гордых народов, полагалось беспрерывно поставлять им гуманитарную помощь, выступать в роли безоружного миротворца, покладистого арбитра и универсального банкира. В общем, гаранта всего вообще. В итоге липовая независимость породила волны несчастных переселенцев, которых европейцы, американцы и турки к себе пускать не собирались. Все беженцы оказались на российской территории. Так что среда для вербовки неофитов у террористов всех мастей в Москве имеется.

– Вертолёт летит, смотрите, вертолёт! – закричали на улице.

Я не совсем хорошо представлял, как должна выглядеть спасательная или пожарная вертушка, способная заливать

огонь с высоты, однако сразу понял, что приближающийся с востока крошечный «Робинсон» таковым средством тушения точно не является.

– Может, штабной?

Мой громкий вопрос услышали многие, и ответ последовал сразу:

– Какой, к чёрту, штабной, мужчина! Это западные журналоги, BBC, CNN или Euronews, они постоянно на таких стрекозах летают, красивую картинку делают!

Не было у меня времени, чтобы познакомиться с новостными телепрограммами и понять степень освещения как городских новостей, так и ситуации в стране в целом, вечером займусь. Похоже, о таких неудобных событиях обывателя подробно информировать не принято. А если хочешь знать больше – учи языки и смотри западные каналы, там тебе всё расскажут в ярких красках. Здесь полная свобода слова. Свобода западного слова.

Через полчаса транспортный поток на проспекте медленно пополз мимо «Космоса». Автомобильное стадо заторопилось по своим делам, напоследок оценивая причинённый ущерб через открытые форточки и делая кривые фотографии плохонькими камерами сотовых.

– Сворачиваемся, парни, хватит, поглазели. У нас дел много, – решил командир.

Развернувшись, «Рафик» повёз группу не куда-нибудь, а в оружейный магазин, расположенный неподалёку. Здесь же,

на проспекте Мира.

Вооружаться будем.

– Может, всё-таки нужно создавать постоянную базу группы ещё и в Москве? Дел-то, смотрю, тут хватает, – спросил я, когда микроавтобус уже останавливался возле большого красивого здания сталинской постройки.

Иван хотел поставить машину как можно ближе к арочному входу с массивными дверями, но там свободных мест не оказалось, и теперь Потапов выкручивал баранку, паркуясь в сторонке.

– Пока что не вижу в этом особого смысла, – ответил командир. – Интенсивность действительно большая, но суммарно времени в столице проводим не много. Город огромный, гостиниц полно, в районе проведения операции можно выбирать подходящую. А вот в Красноярске надо создавать, это уже ясно. Займёмся, Ваня там уже кое-что сделал...

– Пистолеты придётся оставить в тайниках, продавцы оружейных народ опытный, глазастый, могут заметить, – строго предупредил Иван.

Через минуту я уже стоял на улице и, не торопясь входить в оружейный салон вслед за коллегами, какое-то время внимательно изучал обстановку вокруг. Наконец, бросив ещё один взгляд на зелёную вывеску, потянул латунную ручку и вошёл внутрь.

В этом магазине я как-то бывал. Лет пять назад, вроде,

когда ещё жил в Москве. Приехали с приятелем. Ему нужен был прицел для «Вепря», а я так, за кампанию. Потратив кучу времени на изучение отзывов и советов в соцсетях, приятель выстроил стройную схему покупки, которая рассыпалась в прах при первом же контакте с многоопытным и знающим продавцом, да, они существуют. В общем, на месте у покупателя опять начались страшные муки выбора.

Я терпеливо ждал, когда это всё закончится, вяло рассматривая прилавки, и в результате неожиданно для себя купил герберовский клипит, «однорукий» складной ножик, чего изначально делать вовсе не собирался. Сказался гипноз коллективного шопинга. Купив, наконец-то, прицел, мы тут же удалились, не интересуясь остальным ассортиментом.

Что же, рассмотрим теперь, в другой реальности.

Нас встретили просторные светлые залы с множеством стеллажей и витрин с толстыми стеклами, за которыми хранились горы огнестрельного и прочего оружия, снаряжения и аксессуаров. Продавцов в зале четверо, а вот посетителей совсем немного.

Теперь настало время рассказать об ещё одной удивительной особенности этого российского мира, о тонкостях здешнего оружейного законодательства. В старых традициях предварения новостей можно было бы спросить: «У меня для вас две новости, с какой начать?». Спрашивать не буду, начав с плохой – длинноствольное нарезное оружие в России-2 труднодоступно.

Оно есть, продаётся в магазинах, но по особому регламенту, в котором используется социальная, статусная отсечка. Для приобретения нарезного ствола необходимо стать членом некоего охотничьего клуба для избранных, где, впрочем, и имущественное положение не главенствует. Надо войти в элиту. Даже если у тебя имеется много денег и есть дорогой джип, визит за такой покупкой окажется безуспешным. Клубную карточку предъявите, пожалуйста! Такой охотник имеет личные вертолеты, большие катера сахарного цвета и шикарные турбазы в собственных охотничьих угодьях. Это абсолютно лояльный власти приобретатель, кровь от крови, плоть от плоти – благопристойный респектабельный человек, которому в голову не придет использовать высокоточное оружие с оптикой в целях сопротивления. Самое паскудное: элите разрешено покупать пистолеты и револьверы.

Изначально категория *lux* более подразумевала ограниченность предложения, чем труднодоступную дороговизну. Но со временем понятие сильно размылось, включив и настоящий *luxury*-сегмент, и премиальные продукты массовых брендов, и массовые продукты премиум-брендов. Надпись *lux* и цена чуть выше среднего перестали быть показателем исключительности, став предметом маркетингового позиционирования. Так возник псевдолюкс для псевдоэлиты, как всегда, путающей ценность статуса с высокой стоимостью в баксах.

Тем не менее, настоящий люкс существует, хотя большин-

ство марок истинного люкса просто не известны рядовому потребителю, не являющемуся целевой аудиторией. Такие бренды, в данном случае, целые группы товаров, изначально ориентированы только на тех, кто заинтересован в покупке действительно эксклюзивных вещей. И далеко не всегда по заоблачным ценам. Просто этого нет в свободной продаже, эти вещи и услуги практически невозможно купить человеку со стороны, даже если у него много денег. Возможность покупки сознательно ограничена. Если luxury-магазин всегда рад покупателю – это обычный масс-маркет с дорогим отделом.

Граница между premium и luxury проходит не по банковским счетам. Если первое означает «высокий доход покупателя», то второе – это «принадлежность к узкому кругу». Так что по-настоящему люксовые часы особой сборки на запястье президента страны – это не про цену, а про «только для первых лиц». Ограничения в виде особой предварительной записи, штучных рекомендаций или исчезающе малого количества самого продукта создаются не указами правительства, а самой философией бренда.

Здесь тоже хватает представителей элиты, всегда готовой брякнуть что-нибудь насчёт не умеющего жить и работать быдла, читай, всех остальных. Но эти никогда не оправдываются перед обществом и не берут слова обратно. А оскорблённые не накидываются на них в соцсетях. Быдло? Ну и что, люди уже привыкли, они живут своей жизнью, читают про

капризы элиты в жёлтой прессе, и не считают себя быдлом, стараясь отбить термин в сторону соседа – вот он, неудачник.

Здесь элита уже настоящая, сословная, откровенно безжалостная.

В торце зала видна дверь, ведущая в помещение поменьше, где это таинство приобщения к элитному нарезняку и происходит. Теоретически, можно зайти и поглазеть. Но противно.

В качестве смягчающей такое неравноправие меры обычный охотник может приобретать гладкоствольное оружие по существенно упрощённой процедуре, такой уступке можно только позавидовать. Для покупки гладкоствольного оружия достаточно наличия паспорта и двух справок: от медицины и МВД, где тебя пробивают по базам. Не знаю, что там у них за базы, но, похоже, что при бешеной коррупции все личные данные легко корректируются. Пластиковые карты не требуются, здесь вообще плохо с «цифрой». Экономика, особенно малая, почти вся чёрная или серая, банковские карты народ не любит. При расчётах везде приветствуются наличные, лучше доллары и евро, потому что курс рубля постоянно скачет, инфляция ощутимая. В общем, мне эти справки сделали за один день.

Короткоствольное оружие – пистолеты и револьверы – простому люду привычно запрещены, а вот травматиков и здесь навалом, для их покупки не требуется ничего, кроме удостоверения личности. Впрочем, количество нелегальных

пистолетов просто зашкаливает, нам ли не знать...

Иван и Павел выразили твёрдое намерение взять обычные классические «вертикалки» европейского производства, что соответствует имиджу рядового охотника. Мне же, как силовому элементу группы, милостиво позволили приобрести пушку покруче и подороже. Вооружаться решили в Москве. Командир сказал, что в долгом пути по железной дороге группе неплохо бы иметь и легальные стволы.

Кроме того, было сообщено, что в Енисейской губернии ассортимент гораздо скудней. Кстати, там несколько другой регламент владения нарезным оружием, позволяющий ограниченно иметь болтовые винтовки региональным промысловикам и жителям удалённых поселений, где охота является не спортом, а средством пропитания. Причём разрешение на ношение выдаётся территориально, то есть, горожанин купить такой ствол без мотивированной необходимости не может и там.

Теперь, собственно, по ассортименту. Он весьма специфичен. Из российских ружей – только упомянутые недорогие двустволки. Оружие, созданное на базе армейских образцов, к обороту категорически запрещено, то есть «калашников» типа «Сайги» в этом мире просто не существует, для меня такая новость даже звучит дико. Западные партнёры сделали всё возможное, чтобы убить отечественную ружейную отрасль, и это у них получилось, русских полуавтоматов в продаже нет.

На рынке оружия безраздельно правят американцы, монопольно регулирующие перечень остальных поставщиков. Турецких и китайских ружей нет в помине. Немцам и австрийцам отданы классические модели, а так же ружья высокого разбора. Итальянские изделия трудно найти даже в столице, появляются они, как нам было сказано, очень редко и в ограниченном количестве. Практически весь ассортимент этого магазина был родом из США, чего тут только не было! Я с изумлением отмечал модели, которых в моей России никогда не видел. Цены, кстати, вполне приемлемые.

Честно нарезав пару кругов вдоль витрин с открытым ртом, я приступил к выбору, казалось бы, несложному. Обдумав тему заранее, решил, что хочу стать владельцем легендарного помпового дробовика Remington 870, который, несмотря на свой пенсионный возраст, и сегодня является одним из наиболее популярных ружей в мире.

И вот тут в дело вмешался фактор продавца. Грамотного и цепкого, без выраженных возрастных признаков. С одинаковым успехом ему можно было дать и тридцать семь лет и пятьдесят два, хотя много повидавшие глаза склоняли к верхней границе оценки. Хороший тёмно-синий костюм, светло-голубая сорочка, галстук в цвет костюма, аккуратная причёска и образцово вежливые властные манеры – страшный человек, такой все деньги вытянет.

Каким-то образом поняв, что хорошие деньги у покупателя имеются, он легко и непринуждённо принялся охмурять

меня полуавтоматическими ружьями.

– Вам для охоты или самообороны? – услужливо спросил он.

– Охота, енисейские края... Боровая дичь, лось, кабарга, олень.

И началась работа.

В ответ на моё робкое замечание о том, что «помпа» традиционно считается более надёжным оружием, нежели «самозарядки», менеджер тихо рассмеялся, заявив, что все предлагаемые ружья обладают отменным американским качеством, и эти пошлые страшилки следует забыть с исчезновением с прилавков «отечественного барахла». Затем он тактично поинтересовался размером моего кошелька, а узнав о том, что я еду в таёжный край, дабы оттянуться там на всю катушку, воодушевился ещё больше, обещая гарантированную скорострельность в работе по атакующему медведю размером с трамвай. И я засомневался! Одним словом, процесс развивался по своим законам...

Глядя на мои тяжкие мучения, Потапов лишь издевательски хихикал в сторонке, а коварный Павел вообще молчал, преступно оставив меня наедине с гипнотизёром, через пару минут сообщив:

– Да бери что хочешь, оплатим.

Услышав такие речи, обрадовавшийся продавец возбудился не на шутку и вытащил настоящее оружие Терминатора, которое, пожалуй, и в самих США не так-то просто най-

ти. Меня начали соблазнять чертовски харизматичным дробовиком Winchester Model 1887, отвечающим всем требованиям культовости. Эти ружья необычны, узнаваемы и уже более ста двадцати лет пользуются популярностью. Появившись в 1897 году, ружья вскоре стали по-настоящему востребованы.

По сути, это первый популярный и распространенный дробовик со скобой Генри, разработанный знаменитым Браунингом по просьбе компании Winchester. Покрутив это достаточно дорогое чудо техники в руках, я быстро забыл о «помпе», однако тут Кромвель и проснулся. Оттащив меня в сторону, он быстро и убедительно прошептал, что с таким ковбойским ружьём, наверняка единственным на всю губернию, я буду выглядеть не охотником и рыболовом, а героическим американским киноартистом, и тогда уж точно запомнюсь надолго.

С грустью в голосе я сообщил продавцу о желании увидеть нечто менее экзотическое, чтобы без кинематографа и «милитари», выбор сузился до рациональных пределов. Мне были предложены ружья Remington 1100 tactical, Remington 11-87 Sportsman и Browning A5 в камуфляжной расцветке, такие, что и в пир, и мир. Осмотрел Winchester SX3, сделал шаг назад и остановился на Remington 1100 tactical TAC 4. Аккуратно сделанное оружие, ствольная коробка изящная, планка идеальная, никаких завалов. Приклад и цевьё без зазоров, пластик приятный, с ярко выраженной насечкой. Раз-

бирается легко, всё продумано, работает чётко, многие решения можно назвать гениальными. В комплекте к ружью шли сменные дульные сужения и светонакопительные мушки разных форм и цветов.

— Удлинитель магазина можно снять, если вам на охоте не нужно восемь патронов. Лишний вес, да и баланс улучшится.

Я легко вскинул дробовик к плечу, с удовольствием вложился. Ружьё оказалось прикладистым и вовсе не тяжелым.

— Впрочем, с вашим ростом и силой будет в самый раз! — поторопился заметить хитрюга. — Коллиматорный прицел возьмёте?

— Не нужно, пока с открытого постреляю, — отказался я. — Торопиться не буду.

Тем временем мужики быстро определились со своим оружием.

Потапов мудрить не собирался и, сообщив, что ничего из пафосного ему не требуется, вполне будет достаточно удобства и надёжности, взял неприметную чешскую «вертикалку» CZ. Я думал, что командир последует его примеру, однако Кромвель пошёл круто вверх и выбрал дорогой Sauer с элегантной чёрной ствольной коробкой, украшенной скромной гравировкой «Sauer & Sohn», с прикладом и цевьём из тёмного ореха и золотым логотипом SAUER на шарнирном штифте. В комплекте с ружьём шли пять дульных сужений, от цилиндра до полного чока. Эжекторы в базе, систе-

ма четырёх замков, обеспечивающая надёжность и долгий срок службы. Идеальная модель для амбициозных охотников, что несколько противоречит ранее заявленной идеологии скромности группы...

Ну что же, шефы, они такие, не могут удержаться.

Приняв окончательные решения, выбрали принадлежности для ухода, хорошие мягкие кофры и погоны, не забыв взять по три пачки пулевых, картечных и дробовых патронов. Мелочь на дорожку.

Ради интереса внимательно осмотрели стенды с премиальным оружием, поражаясь как ценникам, так и качеству выделки стволов высокого разбора. Что же, premium и означает премиальный, дорого-подарочный и даже наградной. Но это не luxury, в данном случае. Двери в зону нарезного оружия для избранных были по-прежнему гостеприимно распахнуты, однако здравый смысл подсказывал – продавцы-консультанты найдут повод остановить, сунься туда кто-нибудь из нас.

Отложив оружие, группа отправилась покупать снаряжение: полевую одежду и обувь, вместительные сумки и небольшие тактические рюкзаки. Солидные охотники не с плеч лагерь ставят, а с транспорта. Все разновидности армейского камуфляжа Кромвель отодвинул в сторону, предложив выбирать чисто охотничьи варианты. И мы начали отбор, щупая ткань, обсуждая вслух детали, примеряя и сверяясь с каталогами Cabelas, которые лежали везде. Отчего-то

весь охотничий камуфляж не понравился, и группа выбрала строгие европейского типа полевые костюмы тёмно-зелёного цвета, в которых вполне можно ходить по городским улицам.

Следом настала очередь выбора охотничьих ножей, со всей присущей мужикам вкусовщиной. Командир положил глаз на близкий к классическому варианту нож Ka-Bar 1235, Ваня взял в руки банальный Katz K300, а вот я оторвался по полной, ухватив здоровенный красавец-боуи Fallkniven NL1. Глаз не мог оторвать от этой неубиваемой вещицы из ламината VG10 с клинком в двадцать пять сантиметров длиной и толщиной в семь миллиметров. С таким можно в набег ходить.

– Куда тебе этот адский тесак? – опять зашипел на меня вредный Кромвель. – Людей пугать собрался?

– Пусть боятся! – с вызовом ответил я и честно добавил: – Хочу!

Магия шопинга никак не отпускала группу, стараниями окрылённого менеджера постоянно открывались всё новые и новые обстоятельства. На витрине последовательно появлялись и перекладывались в растущую кучу покупок крайне необходимые, как выяснилось, группе предметы: электрошокер, три перечных баллончика с рисунком атакующего медведя, три тактических светодиодных фонаря Maglite MagTac... Когда дело дошло до прибора ночного видения в формате монокуляра ценой в четыре тысячи долларов, Кромвель очнулся, сбросил с себя опасное наваждение и всё

это безобразие прекратил. Напоследок купили три отличные радиостанции Motorola последней модели, на том перечень покупок и был закрыт, остальное будет приобретено в Красноярске.

Кромвель с менеджером приступили к составлению «протокола» и определению устраивающей обе стороны скидки за такую шикарную закупку, а я какого-то чёрта опять взял всё тот же герберовский клипит. Похоже, процедура посещения этого оружейного салона обрастает устойчивыми традициями.

Никто из нас не заметил, как эти двое появились в салоне. Занятые укладкой приобретённого имущества и снаряжения, мы стояли спинами к дверям, поэтому первые секунды действия остались за кадром.

Чёрные вязаные шапочки превратились в маски сразу после входа в салон, так что в зале они материализовались уже в облике решительных налётчиков. И это была не решительность отчаяния, вызванного банальным безденежьем либо сложными жизненными обстоятельствами. Визитёры были полностью уверены в своём силовом превосходстве, как и в том, что «ботва» тут же подчинится.

– Стоять, бояться, падла! – грозно заорал на весь зал приглушённым голосом один из налётчиков, наставляя на ближайшего продавца свой «Макаров». Его чуткий нос – длинный, тонкий и хрящеватый – нервно втягивал воздух, будто

отыскивая в помещении невидимый след.

Второй бандит, мужик ростом примерно сто восемьдесят семь, поджарый, жилистый, коротко стриженный, напоминал недавно оставившего спорт стайера или марафонца. Он остановился чуть подальше, нервными рывками переводя из стороны в сторону вытасненный из-под кожаной куртки ствол револьвера «Наган». Курок взведён, палец на спуске, кисть сильно дрожит. Твою мать, пальнёт при первом испуге!

Мы оказались единственными посетителями салона, беззащитными и фактически безоружными: незаряженные дробовики лежали в кофрах, пистолеты – в тайниках микроавтобуса. В этот момент я, присев, на корточки, спокойно укладывал в сумку огромный тесак, который тут же был вытаснен из ножен.

И что можно сделать тесаком? Не кидать же, никогда не увлекался метанием ножей, считая это махровой дурью.

Однако участие группы в купировании внезапно возникшей угрозы не потребовалось, всё произошло быстро.

– Деньги у меня, приятель! – быстро произнёс продавец, стоявший за прилавком слева у окна, невысокий молодой человек идеально «ботанического» вида, белобрысый и в круглых очочках. Почти мальчишка.

С радостной готовностью разворачиваясь к нему вместе со стволом, второй бандит не успел завершить маневр – оглушительно грохнул выстрел, пуля пошла в цель. С потрясаю-

щей быстротой вскинув перед собой руки с зажатым револьвером, «ботаник» хладнокровно выписал успокоитель прямо в лоб гангстера. Ноги грабителя резко подкосились, и второго бандита продавцы тут же приняли уже в два ствола.

Я ещё даже не успел откатиться за прилавок, как история двух бесславных ублюдков была закончена. В воздухе запахло порохом.

– Ничего себе, парни, сходили на охоту! – в тишине зала внятно пробормотал Потапов.

Персонал салона дружно рассмеялся, словно радуясь очередному сомнительному приключению. Они всем скопом собрались возле поверженных в коротком поединке налётчиков. Кто-то фотографировал неподвижные тела, кто-то звонил по сотовому телефону вышестоящему начальству, спокойно докладывая об отражении налёта.

– Извините, господа, порой случается. К нам и вот такие посетители заглядывают... – невозмутимо поведал наш менеджер, убирая под прилавок свой блестящий револьвер. Он в бою не участвовал, однако продемонстрировал полную готовность к огневому контакту.

– Евгений, вызывай ментов! – крикнул кому-то «ботаник».

– Уже! – откликнулся его коллега.

– Частенько балуются? – поинтересовался я, торопливо застёгивая молнию сумки.

– Нет, не очень. Это приезжие, местные на такие лихие

дела не идут, они в курсе, что на оружейные магазины нападать опасно.

Командир дал знак, что пора уходить, группе не стоит дожидаться приезда полицейских с возможными расспросами.

– Секундочку, господа! – остановил нас менеджер.

Мы остановились, переглянулись.

– Презент от фирмы за невольное беспокойство! Заходите ещё, мы всегда рады таким солидным покупателям! – с этими словами он протянул Кромвелю яркую картонную коробку. Паша взял, показывая надпись – компактный бинокль Bushnell 10x32 Powerview, отличная вещь.

– Непременно придём! – горячо пообещал Павел, и группа торопливо вывалилась под мелкий дождь.

На выходе обнаружился стоящий почти у самых дверей салона длинный тёмно-зеленый седан «Шевроле» с распахнутыми дверями, старенький, но ухоженный. Номера были по-прежнему старательно залеплены грязью, но Иван сразу узнал приметное авто, сказав:

– Наш, соседский. Так ты их, Мишка, и не встретил в коридоре.

– Точно, тот самый «шеви»! Вот тебе и приехали огольцы в столицу кусок отжимать, эх, дебилы... – вздохнул я, снаружи прикрывая водительскую дверь и осторожно протискиваясь вдоль шершавой стены.

Каждый день в бетонные джунгли столицы прибывают сотни не очень умных, но готовых на всё горячих и решимых.

тельных молодых людей с нелегальным оружием и острым желанием реализовать призрачный шанс – забрать свой кусок криминальной кормушки. Похоже, что большинство из них погибает в первую же неделю.

– Удачи тебе, американская старушка, – сказал я, легонько хлопнув ладонью по длинному и широкому капоту, – скоро тебя купят новые гангстеры, и ты опять повезёшь их на дело.

– Парни, вы заметили, что они там творят? – спросил вышедший из салона последним командир. Мы с Ваней помогали головами.

– Похоже, «макарку» отжимают, сунули в руку бандеросу какой-то ржавый обрез. Гениально! Один левак сольют ментам, а другой впарят по благу проверенному клиенту.

– Зачем это им, Паша? – удивился Потапов.

– Да кто их знает... Может, заказ есть, а крыша надёжная.

– Ну, а почему бы нет? Можем вернуться, ведь мы и есть дядьки, проверенные прайсом и стрельбой в магазине, не подведём, – в шутку предложил я, но командир врубился не сразу, задумчиво оглянувшись на двери салона. Или сделал вид, что не врубился, он такой, может подловить.

– Давайте-ка заканчивать эту оружейную эпопею, – предложил Иван, тоже обходя «шеви» вдоль стены здания. – Всё здесь очень сложно и неоднозначно, лучше не грузиться. Драпаем, вон, менты уже рядом дудят. И это, Мишка, ты там в гостинице...

– Ничего на ресепшн о происшествии с гостями отеля не

рассказывай, потому что иначе засветимся, – легко продолжил я.

– Молодец, – похвалил шеф.

Да уж, оружейный мир этой России непрост. Как и всё прочее. Общей оценки ситуации с подробным анализом дать не могу, к такому привыкнуть нужно.

И всё равно мне Москва-2 нравится, даже в текущей версии, столица прекрасна. Мне теперь любая Москва понравится, была бы она русской и целой. А она пока вот такая.

Глава пятая

Поезд

На Комсомольской площади тоже имелся огромный радужный плакат, зазывающий представителей столичной гейтусовки и гостей столицы со всей России на очередную парад «почти победителей». Почти, потому что на улицах представители этой прослойки заметны не часто.

Здесь произведение современного рекламного искусства не было освещено фонарями, чтобы не злить специфический контингент обитателей такого непростого места, как Площадь трёх вокзалов.

– Как они собираются его проводить в такой обстановке? – пробурчал я, устанавливая в общую кучу последнюю увесистую сумку. Потесней нужно ставить, чтобы не утянули, да поглядывать внимательней.

– Забей, Мишка, не наш головняк, – посоветовал Иван.

– Да я что, совет да любовь.

Вечер быстро перетекал в ночь.

Наш верный микроавтобус Потапов с утра пораньше отогнал на место длительной стоянки, так что пришлось нанять грузопассажирскую «Газель», чтобы уместиться со всем шмурдяком, которого всего за пару дней накопилось на удивление много. Стоя на площади перед зданием вокза-

ла возле груды багажа, мы ждали командира, отправившегося на поиски носильщика. Гей-парад, криминальный контингент, плохое освещение... Меня ничего не смущало. Я даже не разглядывал историческое здание примечательной архитектуры. Хотя вот именно нам оно и мешало. Мешало уже тем, что отделяло группу от стоящих у перронов поездов дальнего следования.

Людей странствующих можно разделить на тех, кто обожает путешествовать в поезде и тех, кто поезда на дух не переносит. Обычно те, кто всё-таки любит поезда, относятся к ним достаточно спокойно, ровно. Я же их просто обожаю. Наверное, потому, что неисправимый романтик... Россия – колоритная страна, разнообразная, большая и красивая. Проще и быстрее всего в этом можно убедиться, сев в железнодорожный состав, колесящий по бескрайним просторам, и провести в нём несколько суток. Конечно, в поезде есть неудобства, связанные, прежде всего, с разношёрстностью контингента. Но они для меня ничтожны.

А теперь о многочисленных плюсах. В юности частенько приходилось ездить к сибирской родне поездами дальнего следования, и мне это нравилось до изумления. Кто-то считает, что поезд – это неудобно, долго и скучно, а для меня это до сих пор кайф, сплошная романтика. Катишь себе через всю страну, пьёшь чай, поглядывая в окошко, читаешь книги, слушаешь музыку, знакомишься с людьми. И какое же удовольствие засыпать под стук колес!

В этом долгом путешествии ты уже никуда не торопишься – всё фатально предопределено купленным билетом. Живёшь дорогой, искренне наслаждаясь самим процессом движения вперёд. Интересно ехать в поезде днём, когда всё видно, но вдвойне интересней путешествовать вечером, когда за окном мелькают огни далеких посёлков, тёмные дремучие деревья, придорожные фонари и столбы, переезды, разъезды, а за ними – бесконечная череда кадров реальной жизни огромной страны.

Летит состав мимо жилых районов, пригородов, крошечных деревень и полустанков, а ты смотришь на далекий свет в окнах и невольно думаешь: «Чем живут эти люди, чего ждут, о чём мечтают? Кто они, какая у них судьба?». Мимолётно проявляешь интерес к чужой жизни, зная, что через мгновение будешь уже в другом месте, в другом времени этого удивительного железнодорожного измерения. Поезда штука такая, они требуют больших расстояний, длинных перегонов, и уж в России всё это точно имеется. Я считаю, что такого культа поездов, как у нас, нет ни в одной стране мира.

Какие здесь случаются знакомства! Какие открываются характеры у соседей по купе, из уст которых за время пути ты выслушаешь уйму жизненных историй, напитаешься впечатлениями до желания написать книгу странствий. Сутки, вторые, и ты уже как родной, порой успевая за пару дней узнавать о соседях по купе больше, чем их самые близкие родственники.

В окнах стремительно меняется картинка, и она всегда прекрасна. К постоянной смене пейзажей добавляется успокаивающий, добрый, что ли, шум движения. Леса, поля, города, реки, названия которых при удаче можно разглядеть на табличке, озёра, болота, закаты, восходы, цветы, горы, коровы, козы, барашки... Ещё интересно по-детски следить взглядом за проводами, растянутыми на столбах, они словно живые.

Через какое-то время поезд доставит пассажиров в нужное место, где их быстро затянет болото обычных дел, рутина работы и быта. Но пока что, ты в пути... Поезд идёт, а ты сидишь и любишься пространством из своей капсулы, в которой словно остановилось время. Снаружи всё меняется, а у тебя одно и то же, строгий распорядок дня.

Однако движение продолжается, создавая энергию внутренней удовлетворенности. Каждый человек в поезде находит удовольствие в чём-то определенном – кто в беседе, кто-то в одиноком размышлении, а другой так и просто во сне. В отличие от поезда, у каждого пассажира свой путь, и это уже философия.

Чем дольше длится поездка, тем больше времени можно уделить думам о жизни вообще, что редко удаётся сделать в обыденной суете. Задумываешься о чём-то, замираешь, и тут проводник приносит горячий чай... Как же красиво выглядит этот старый добрый ритуал – самый простой стакан в культовом хромированном подстаканнике, этикетка пакети-

ка на ниточке и бумажные палочки с сахарным песком. Сидишь в вечернем сумраке, потягиваешь, смакуешь и лениво наблюдаешь за соседней колеей. Видишь, как то и дело сливаются и расходятся стальные рельсы, – в чём-то это похоже на переплетение человеческих судеб, где есть место любви, дружбе, ссоре... Вот так и мы: то знакомимся и гармонично живем, то прощаемся раз и навсегда. Нет, поезд с рельсами, конечно, не объект сравнения, просто человек во всём ищет нечто антропоморфное.

Готовясь ко сну, снимаешь с верхней полки матрац, аккуратно застилаешь постель хрустящей простыней, ложишься. Мысли потихоньку успокаиваются, заботы уносятся вдаль, и под нежное укачивание да стук колёс ты засыпаешь, как младенец. Поезд всегда укачивает, успокаивает. Кому как, а мне это весьма по душе. Когда нужно, качка усыпит, днём же она обозначит скорость движения, когда нужно, подкинет адреналинчику, приводя тебя в восторг. В поезде всегда найдётся, чем скрасить досуг. Можно читать, играть, смотреть фильмы. Никто не мешает. Или же просто залезть на верхнюю полку, надеть наушники и следовать за музыкой, чувствовать её, погружаясь в фантазии и мечты под дрожащими солнечными лучиками. Можно взять у проводника шахматы. И карты! Куда же без них...

Доширак, консервы, пирожки из станционного буфета, кипяток из титана. Тележка из вагона-ресторана, и, конечно же, сам вагон-ресторан! Домашняя еда от бабушек и деду-

шек на коротких остановках, такая натуральная, по-честному вкусная. Сами остановки – это уже отдельный разговор. Выходишь, гуляешь. Лишь бы не загулять, поезд ждать не будет. Мне пару раз приходилось в панике догонять состав, бедные тапки...

Командир задерживался.

– В вагоне всегда создается особая атмосфера романтики. У меня, Ваня, прям открывается какое-то вдохновение, тянет, знаешь ли, на создание стихов и песен. Рисовать не умею, а тянет! Может, научиться? На нетленку тянет! – эту часть размышлений я уже произносил вслух, стоя вместе с Потаповым возле горы сумок и рюкзаков.

– В поезде, в конце концов, можно помечтать, поразмышлять, посмотреть на природу. Выйти в тамбур, чтобы бесконечно смотреть, как проносятся деревья, открыть окно, вдыхая свежий воздух, благодать! Я считаю, что поезда – это место для настоящих романтиков, может быть, для меланхоликов. А самолеты – это для людей, вечно занятых, живущих в бешеном ритме.

– Ничего так ты задвинул, целая поэма! – откликнулся удивлённый Потапов.

– А тебе как?

– Мнения ждёшь? Ну, во-первых, я уважаю поезда за то, что они по-серьёзному железные, им все уступают дорогу. А ещё за то, что поезда редко останавливаются. На машине постоянно приходится останавливаться. То новый пассажир

голосует, как припадочный, то наоборот, своего нужно высадить. Красный свет горит, кого-то пропускаешь на перекрёстке... Пробки, видеокамеры повсюду, штрафы, напасть такая! А то и в тачке что-нибудь сломается. На поездах это маловероятно, они надёжны. Поездка на поезде по статистике в три раза безопаснее, чем поездка на автомобиле.

– Приземлённо, несколько упрощённо, но верно по сути, – сдержанно похвалил я. – А во-вторых?

– Ещё уважаю поезда за объёмность и комфорт. В салоне авто не всегда удобно. Порой человек твоего роста не влезает, не люблю я таких клиентов, как ты, они из-за этого ворчат много. Или не хватает мест для всей компании, тогда приходится заказывать вторую машину. Бывает, что вообще другую. Становится обидно – клиента украли. В поезде же найдётся место всем и каждому. Удобна сама планировка купе, что говорить, можно и посидеть, и полежать вволю. Скорость меня тоже вполне устраивает, у современных поездов она под триста километров в час. Это практически равно скорости маленького частного самолёта. Но даже если поезд набирает всего полсотни – это тоже неплохо, на мой взгляд. Потому что он реально прёт. Набрал скорость, и прёт... О, смотри! Шеф идёт! С носильщиком, нашёл-таки!

– Паша, ты поезда любишь? – спросил я подошедшего командира.

– В смысле? Какие ещё поезда? Грузим, мужики! – распорядился он, отдавая команду нам и носильщику с большой

тележкой и фирменной металлической бляхой Ярославского вокзала на груди.

– Да вообще! – я неопределённо махнул рукой вкруговую.

– А-а, ты в этом ключе... Ненавижу. Особенно здешние.

Ехал я летом во втором рейде, Ваня тогда меня в Новосибирске ждал. Горячая вышла поездочка. В соседнем вагоне на ходу выкинули на рельсы мужика, в кровь избили проводницу. Ночью какие-то бандиты стреляли на полустанке, был грандиозный шухер. А в моём вагоне, в соседнем купе, обокрали двух вахтовиков, их тут часто хлопают по карманам. Наверное, зеки, или цыгане из Сургута, которые подсели в Тюмени... пьянь, дым табачный, крики постоянные разборки. Ни поспать, ни книгу почитать. А вонь! Постоянно несло тухлыми яйцами и курицей, кислыми огурцами! Нет уж, увольте.

– Принял, – коротко отбил я.

Теперь ясно, почему группа едет именно так. Плацкарт на столь длинной дистанции и для меня окажется неким экстримом, а вот обычное купе вполне бы устроило. Однако мы отправимся в долгий путь не просто в фирменном поезде «Енисей», а в вагоне-люкс с двухместными купе повышенной комфортности для особо белых людей. Что ж, тем интересней, в люксе я ещё не ездил, не по карману.

Носильщик, забрав нашу работу, сам умело загрузил тележку, но не успел он стронуть её с места, как что-то про-

изошло. Из здания вокзала с руганью и воплями повалила толпа людей. Многие надсадно кашляли. Но дыма не было. Народ кричал, визжал и матерился. Выскочив, многие отбежали как можно дальше и только там останавливались.

– Опять теракт? – спокойно поинтересовался Потапов.

– Да какой там теракт... Щипачи «вонючку» в зале распылили, обычный слезоточивый газ. Сразу в двух местах со стороны перронов. Почти каждый вечер подличают, паразиты, – со знанием дела пояснил ситуацию носильщик.

– Карманники? – уточнил Кромвель.

– Они. У них это называется «гнать стадо». Все бегут в одном направлении, получается суeta, неразбериха, дети кричат, матери орут... Одним словом, создаются оптимальные условия для снятия налога с транзитных пассажиров. Сейчас менты объявятся. А мы ждать не будем, мы кругом поедem... Через путя. У вас ведь «Енисей»?

Павел кивком подтвердил.

– «Енисей» хороший состав, спокойный. Вот к нему и поедem. Господа вы серьёзные, богатые, сразу видно, что солидные люди... Так что держитесь рядом со мной, кучкой, никто и не прилипнет, – наставительно рокотал наш временный ангел-хранитель.

А прилипнуть тут явно было кому. И чему. Трудно найти в Москве место более неприятное, чем Площадь трех вокзалов, и в этом мире всё ещё называемой Комсомольской, она и у нас считается слишком суетным местом.

Даже с наступлением темноты здесь царит непонятная толчея, снуют замученные люди с огромными баулами, кругом грязь, запахи шаурмы и прочей фастфудной гадости, лотки и наляпаные как бог на душу положит вывески, группами тусуются бомжи и другие более чем сомнительные личности. Хочется ничего этого не видеть и убраться отсюда как можно скорее. В полную мощность работают несанкционированные автостанции, обеспечивающие нелегальные междугородные перевозки пассажиров на неисправных транспортных средствах. Зато относительно дёшево. Здесь вообще трэш и угар, мне кажется, что у нас к 2008 году какой-то порядок власти всё-таки навели.

– На охоту никак собрались, господа хорошие? – носильщик Кромвелю попался говорливый.

– На неё, – скупой ответил я.

– Богатые, да, они такие, на всякие сафари ездят, знаю, – продолжил болтать языком труженик мелкого извоза. – С неделю назад отвозил компанию охотников, они аж в Германию поехали охотиться... Вот я и думаю, откуда в той тесной Германии возьмется приличная охота, и на какого такого редкого зверя, чтобы бешеные деньжищи платить?

– Есть там охота. На кабана, на косулю, – уверенно ответил Кромвель.

– Эх ты! Своего у нас кабана мало, что ли? – искренне удивился носильщик, чуть притормаживая. – У меня за дачей постоянно дикие свиньи бегают, забор рушат, грядки гу-

бят. А то и лось наведывается. Наглый такой... За сто долларов я бы и места показал, и приготовить помог бы на месте!

Мы на такое заманчивое предложение не клюнули. Тележка покатила дальше.

Те, кто вынужден систематически бывать на Площади трёх вокзалов, опытно стараются смотреть только перед собой. Выскочил из метро, плечи втянул и бегом на электричку или к поезду. Никаких перекуров или пивка в дорогу. Опасно. Можно лишиться кошелька или подцепить какую-нибудь заразу. Шлюхи, воры и бывшие зеки окончательно отвоевали себе этот своеобразный «нищий квартал». Сюда стекаются, кажется, все, кому не повезло в столице, и остаются в этом странном мире на долгие годы, став заложниками большого города. Освещения явно недостаточно, но это никого не смущает. Из всех ларьков рвётся шансон и попса.

Торговля процветает. Площадь трех вокзалов – место, где можно найти абсолютно всё. Как и возле станций метро, здесь сбывают краденые телефоны, новейшие модели продают за полцены. Торгуют сим-картами, фальшивыми документами: удостоверениями личности, дипломами, регистрациями, медицинскими книжкам. Печати, подписи, всё на месте. Подобную продукцию на глаз порой не отличить от настоящей – заплати побольше, сделают получше, до полной копии. Наказывают фальшаков по всей мягкости закона, за торговлю поддельными квитанциями и мобильниками можно отделаться символическим административным штрафом.

Бомжи вольготно развалились прямо на газонах, вонь немых тел чувствуется за несколько метров.

Несмотря на тёмное время суток, на вокзале и возле него кипит загадочная и очень опасная для мирного прохожего криминальная жизнь. Вокзал во все времена был хлебным местом для преступников. Здесь легко затеряться в толпе и скрыться после дела незамеченным. А постоянный поток людей дает возможность каждый день использовать одни и те же преступные схемы.

Тесными компаниями ждут клиентов проститутки, похоже, они совершенно не опасаются стражей правопорядка, рядом с ними – боевые звенья бандитской охраны. Попрошак – прорва, все организованы и грамотно расставлены по схеме. Тут и там видны стайки подмосковной гопоты, в любой момент готовые как к групповой драке, так и к облавной охоте. Кавказцев на Ярославском совсем немного, а вот цыган... Кажется, что где-то рядом с площадью встали сразу несколько таборов, потому что шумных цыганок в пёстрых юбках и с детьми на руках можно считать едва ли не сотнями. Я никогда не видел такого количества цыганских женщин в одном месте, но ещё больше меня удивили группы мужчин. Ладно, бизнес женской части табора вполне понятен и привычен обществу, а вот эти чем занимаются? Наркотой. Уверен, здесь столько наркоты, что если привести специально обученную собачку, она просто упадет в обморок. Но связываться с ними без очевидного повода никто не хо-

чет, цыгане есть цыгане, криминал – национальная традиция.

И только полицейских почти не видно.

Группа неторопливо двигались за тележкой, и к нам действительно никто не приставал. Исправно работает внутренний регламент взаимоотношений этого удивительного мирка, в котором смежникам мешать нельзя, это наказуемо. Телега с сумками и рюкзаками, ведомая сильными руками носильщика, словно несла на себе охранную пайцзу, гарантирующую, что беспредела не будет. Но только с нами, только здесь и сейчас. Потому что криминальные запахи и звуки вокзала всё так же перемешивались вокруг, составляя привычную атмосферу разложения, вседозволенности и безнаказанности.

Естественно, в привычной обстановке наш носильщик ориентировался безупречно, не срываясь с траектории ни на полметра даже в полутьме. Ни разу не задумался, куда свернуть. Попутно этот весьма своеобразный экскурсовод знакомил послушно следующую за ним группу с самыми последними криминальными новостями. Так мы узнали, что четыре дня назад из-под охраны сбежал особо опасный преступник, подозреваемый в совершении нескольких убийств. Его перевозили в обычном поезде, следовавшем из Читы в Москву. Когда до прибытия на вокзал оставалось около трёх минут, преступник, находившийся в наручниках, каким-то образом освободился от них, завладел табельным оружием

одного из конвоиров и открыл по полицейским огонь. В результате двое сотрудников получили тяжелые ранения в голову. Старший конвоя от полученных ран скончался на месте, а второй умер в автомашине «скорой помощи». Преступника ищут до сих пор.

Колеса тележки стучали то по раскрошившемуся бетону, то по старым доскам с большими трещинами, носильщик всё время куда-то сворачивал, лузгал на ходу семечки и быстро объезжал решетчатые заграждения, и к поезду группа вышла совсем с другой стороны. Здесь тоже тревожно. Откуда-то донесся глухой равнодушный голос:

– Молчать, сука, иди ровно. Плохо будет.

Это было сказано настолько буднично, что у меня не возникло никаких сомнений: кому-то обязательно будет плохо.

Вдоль высокого забора, отбрасывая на бетонные панели с граффити страшноватые тени, под лучом прожектора на вышке гуськом двигались какие-то согбенные личности с баулами на плечах и сумками в руках. Шли они не сами по себе, эту толпу явно кто-то сопровождал, указывая путь.

– Бомжи на ночёвку тянутся, ежевечерняя процедура, – охотно пояснил носильщик, на ходу забрасывая в рот очередную семечку. – К составам идут, что в тупиках на отстое. Это что-то типа нашего гостиничного комплекса.

– А что, удобно и выгодно, в плацкарте с них много денег не возьмут, – предположил Иван. – При случае можно будет воспользоваться, оценить услугу. Даже интересно, экзотика.

– Упаси вас бог от такой идеи! В плацкарте смертники ночуют, – сплюнул шелуху носильщик. – У них тут что ни утро, то свежий труп. Ночью по вагонам шныряют всякие упыри – беглые зеки или наркоманы.

– Неужели мокрушничают? Зачем, что с таких бомжей взять? – не поверил я.

– Эти всегда найдут, что взять! Уж не сомневайтесь, приставят нож к горлу и грабят, – выпучив глаза, стращал нас провожатый, хитро, под углом перекаtywая тележку через рельсы. – Клиент рыпнулся, и аминь! Попадаютcя такие, как вы, новички. В смысле, когда-то были богатыми, да стали бедными, вот как бывает! Так что, если не хватает денег на купе, топай в зал ожидания. Там безопаснее. Это я так, на будущее.

На будущее мы узнали, что на Ярославском вокзале случаются ещё более страшные преступления, например продажа людей. Своих жертв, одиноких безработных женщин, преступники ищут на вокзале, предлагая им хорошую работу. Вместо этого девушки оказываются в сексуальном рабстве. В последний раз таких сволочей задержали, когда одной из жертв случайно удалось бежать и сообщить о произошедшем в полицию.

В это невозможно поверить, но считается, что на этом вокзале, как и на всех остальных, не бывает серьёзных инцидентов, обитателей жизнь научила. Как-то раз солнцевские в поисках неких важных беглецов неделю шныряли по вок-

залам и ночлежкам, вагонам, подвалам и развалинам. Чтобы разговорить бомжей и всякую мелкую криминальную шуштуру, их избивали до потери пульса. Начались конфликты. Защищаясь, один бомж облил обидчиков керосином и поджёг. Блатные в ответ завалили пятерых бездомных.

После этого среди бомжей и вагонных торгашей началась настоящая паника; они исчезли из станций метро и пригородных электричек и потянулись на более спокойные и безопасные вокзалы, где их никто не ждал. Спокойной работе по сбору денег с пассажиров пришёл конец. Снизилась сборы с нищих, попрошаек, собирателей бутылок, макулатуры и тряпья, предсказателей судьбы, мойщиков машин, носильщиков и грузчиков, скупщиков краденых телефонов, владельцев многочисленных ларьков с контрафактом и прочих тружеников вокзального дна.

Всю эту разношёрстную публику контролировала авторитетная «комсомольская» группировка, у которой резкое уменьшение доходов вызвало вполне определенное желание разобраться с залётными во всю мощь «криминальных заповожняков». Лидер «комсомольцев» потребовал от пришельцев, чтобы те перестали баламутить дно Площади трёх вокзалов. Солнцевские без дипломатических изысков послали его на три известные буквы.

В итоге случилась грандиозная стрелка с эпической битвой, на которой сводная бригада «комсы» наголову разбила солнцевских, они до сих пор восстановиться не могут.

На три вокзала опять опустилось криминальное блаженство привычного покоя. Кадры вернулись на рабочие места, сборы начали расти.

Так что, тут не забалуешь.

– О-па! А вот и ещё одна достопримечательность! – воскликнул носильщик, на секунду остановившись и показывая рукой вперёд.

Навстречу, вдоль замершей с тёмными окнами электрички, медленно, чуть раскачиваясь из стороны в сторону, двигался призрачный силуэт. Это был высокий мужчина, одетый в длинный плащ с глубоким капюшоном, наброшенным на голову так, что даже пятна на месте лица не видно. Он то и дело протягивал в сторону левую руку и осторожно касался ладонью холодной и пыльной поверхности очередного вагона.

– Да ладно... Маньяк, что ли? – прошептал Потапов. – В одиночку такого увидишь – описaeшьcя.

– Зачем маньяк? Это же Машинист! В нём два с лишним метра росту. Он с железом общается, а вот с людьми как-то не очень, не любит. Местный сумасшедший. Хотя да, страшноватый мужчина.

– И что он здесь делает? – спросил Кромвель. Воспользовавшись паузой в движении, он присел, чтобы перешнуровать ботинок.

– С локомотивами разговаривает. Подойдёт, обязательно

проверит, заперты ли двери, стоит возле них с полчаса, бормочет что-то себе под нос... Безобидный дядька.

– И все знают, что он тут в темноте ночами на путях болтается? – удивился группер.

– Говорю же, легенда! Его даже самые отмороженные бичи по пьяни не трогают. Еду дают. Но никто не знает, где у него берлога, всегда один.

– Машинист это круто. А Путевой Обходчик у вас имеется? Ну, для комплектности? – как выяснилось, моя попытка сострить оказалась неудачной.

– Был у нас и Путевой Обходчик, узбек один, – невозмутимо ответил провожатый. – Пошил себе цветастый жилетик, нашёл где-то молоток на длинной ручке. Ходил, стучал по буксам – всё проверял! Вот только почти ничего не понимал по-русски.

– Увидим?

– Не... Его ещё в прошлом октябре локомотив зарезал. Прямо по паху прокатился, – ответил мне носильщик. – Машиниста нашего такая же судьба ждёт. Жалко его, заранее жалко.

Тем временем Машинист прошёл мимо, не обратив на нас никакого внимания. Однако носильщик успел на миг удержать в руке грубую ткань плаща. В этом движении явно было что-то ритуальное, и я понял, что Машинист не только легенда, но и талисман.

– Спасибо за науку, – искренне поблагодарил его Кром-

вель, доставая бумажник. Мы уже поднялись на перрон и почти сразу оказались возле своего вагона.

Фирменный поезд «Енисей» подали загодя. На перроне не было подозрительной публики. Рядом бдительно несли службу трое полицейских с автоматами, отсекая «чистую зону», в которую вокзальная шваль попадать не должна.

– Смотрите-ка, парни, ресторация прямо в соседнем вагоне! Не пропадём! – обрадовался Потапов.

Две улыбчивые проводницы средних лет встретили нас возле люксового вагона, как родных. Не задерживая почётных гостей для проверки каких-то там формальных билетов, сразу проводили к купе. Нам с Ваней выпало жить вместе, а у командира опять образовался штаб. Любит он у нас штабы.

В этой реальности фирменный «Енисей» отходит раньше, чем в нашей. А идёт дольше. Говорят, что скорость движения постепенно будет возрастать, и со временем расписание приблизится к привычному.

Первое впечатление оказалось вполне благоприятным, честно говоря, я не ожидал увидеть такую роскошь. Купе, как и сам вагон-люкс, очень чистое, практически стерильное. Спальное место туго обтянуто зелёной велюровой тканью, на столике лежит маленькая скатерть с логотипом состава. На ней лежали глянцевые журналы, в том числе и зарубежные, свежие газеты и рекламные буклеты, индивидуальные гигиенические наборы и фирменная «сувенирка» – шариковые ручки с блокнотиками, писчая бумага с конвер-

тами, пара шоколадок и две маленькие бутылки минеральной воды. Диваны несколько длинней, чем обычные, с моим ростом это важно.

На полу – пушистый светлый коврик, есть шкафчики-полочки и крючки для полотенец, вешалки для одежды. Нечто подобное я и ожидал увидеть, но висящий в углу маленький телевизор Panasonic всё равно поразил меня до глубины души – четырнадцатидюймовое чудо с электронной трубкой, я уж и забыл об их существовании... На том же кронштейне расположился кассетный видеоплеер той же фирмы. Ещё одно несомненное удобство – много розеток. Симпатичные индивидуальные светильники, как над головой, так и под ногами. В каждом купе работает кондиционер. Есть кнопка вызова проводника, как на самолётах.

Иван тут же кинулся проверять имеющиеся четыре видеокассеты с отпечатанными на принтере наклейками.

– Из приличного только «Кобра» со Сталлоне, – с неудовольствием объявил он. – В общем, одно старьё.

– Зато классика, – парировал я.

– Посмотрю, что там нашему командиру подсунули, – не унимался Потапов. Разведка показала, что Паше из приличного подсунули «Хищника» и «Красную жару».

Ознакомившись с купе, я прошёлся по коридору. Красота! В люксовом вагоне оказалось всего восемь купе, наших богатеньких соседей пока что не видать. Работают два биотуалета, которые открыты вне зависимости от прохождения состава.

вом санитарных зон, есть холодная и горячая вода, бумажные полотенца, освежитель и диспенсер с розовым мылом. В нескольких местах напротив купе висят таблички с маршрутом и расписанием остановок поезда, это я изучу позже. В начале и в конце вагона на табло всегда высвечивается московское время, дата и температура воздуха, а в конце вагона на табло можно увидеть информацию о том, занят туалет или свободен.

Проверив всё-таки билеты, огидропериченная проводница провела ознакомительную беседу с инструктором.

– Курить, господа, можете в дальнем тамбуре, там есть пепельницы. Сквозного прохода у нас нет, дверь постоянно закрыта, чтобы всякая публика из плацкарта не шлялась по нашему вагону и не лезла в ресторан. У них своё обслуживание, им развозят... Ресторан рядом, а за ним начинаются вагоны СВ, так что публика будет более-менее приличная. Вас никто не потревожит, надеюсь.

Ого! Здесь, смотрю, всё строго. Люди второго и третьего сорта к качественному сервису не допускаются.

– Ресторан работает и по заказу с доставкой, меню на сутки лежит на столе. Завтраки и обеды у вас включены в стоимость. Минеральной водички принесём сколько угодно. И по две бутылочки пива на пассажира в день. Есть и крепенькое, отличный молдавский коньяк, водочка из холодильника.

– Что-то ассортимент фильмов у вас слабоват, – недовольно пробурчал неугомонный Иван.

– Так заходите к нам! – предложила радушная хозяйка. – У нас пять десятков кассет, сами выберете. Если не устроит, то могу посмотреть в свободных купе, поменять. Пока что заняты только пять... Видеокассеты даём бесплатно, а вот если порнушечку пожелаете, то уже за денежку.

– Учтём, – крикнул командир, а я добавил:

– Ваня сбегает за порнухой.

– Чай, кофе?

Народ заказал чай, традиция есть традиция. Уже собираясь закрывать дверь, хозяйка вагона-люкс поделилась важными сведениями:

– Бригада любит, когда в вагоне едут такие солидные мужчины-охотники. У вас ведь и оружие при себе? Полиция полицией, а с вами всё-таки спокойнее.

– Что, шалят? – небрежно спросил Потапов.

– До Тюмени и после Омска всё будет спокойно. А вот когда пойдём вдоль казахской границы... Там же настоящее Дикое поле! Мы с напарницей шутим, что если не наведут порядок, то скоро будем ездить по Транссибу на бронепоезде. Границы, можно сказать, что нет, то и дело банды бесчинствуют.

– Вы ещё скажите, что на поезда нападают.

– И скажу! – в ответ на реплику Потапова проводница возвысила голос. – Нападают! Чаше на товарняки, конечно, но бывают, что и пассажирские успевают пощипать, какие рангом пониже, и где нет полицейского сопровождения.

– Ясно. А в Омске-то что? – удивлённо спросил я.

– Неразбериха в Омске, что ж там ещё может быть-то...

Сегодня партия анархистов в тамошнем парламенте победит, а завтра сторонники Колчака верх возьмут. Власть меняется раз в два месяца. Ох... В общем, хорошо, что вы с нами.

Дверь в штабное купе закрылась, мы переглянулись.

– Командир, такой ковбойский старт в неведомое обмыть бы положено, – предложил Ваня.

– Поддерживаю, до Тюмени можно, – проголосовал я двумя руками.

– Что вы на меня так смотрите, товарищи бойцы? Как Анна Каренина на паровоз. Идите, заказывайте, несите.

Вышли вместе. Иван бодро двинулся вперёд, а я отчего-то задержался в пустом коридоре у окна. Вагон мерно покачивался и убаюкивающе постукивал на рельсах. По радиотрансляции тихо играла джазовая музыка, а я замер, уткнувшись лбом в стекло. Совсем темно.

Поезд набрал скорость. За окном мелькали и исчезали подмосковные станции. Дальше начнутся такие разъезды и полустанки, названия которых знают лишь железнодорожники, работающие на этих перегонах. Мысли кружились, путались, опять слишком много новой информации и впечатлений. Бронепоезд, говорите? Ну-ну.

Глава шестая

Дикое поле

Допустим, попаду я когда-нибудь на шикарный южный курорт...

Оттянусь в расслабляющем двухнедельном отпуске. Должны же мне командиры когда-нибудь дать заслуженный отпуск! Во всяком случае, начальство клятвенно обещало. Приеду на Ионическое море, а там в меня, расслабленного такого, опытно вцепится прекрасная немецкая шпионка – нордического вида блондинка с голубыми глазами. Или же наоборот, женщина-вамп, прости господи. В общем, одна из тех особ с гипнотическими способностями цыганки, что смотрят на тебя ласково так, воркуют о чём-то отвлечённом, по руке поглаживают... А потом, бац! Очнулся уже без трусов.

И начнёт она из меня выведывать государственные секреты.

Так вот, я ничем не смогу ей помочь, честно. И не только потому, что перед получением соответствующего допуска дал подписку о неразглашении. Я действительно не знаю, по каким именно критериям люди попадают в организацию «Экстрактор», она же «Экстра», для краткости. Так и не понял, хотя пытался собирать информацию и анализировать

её. Много думал, как говорится. Бесполезно. Мало того, мне кажется, что и большинство сотрудников «Экстры» не совсем в курсе дела.

Организационно процедура вербовки, скорее всего, является стандартной для всех специальных служб. Меня просто пригласили на собеседование. Заказным письмом. И я пошёл, потому что первично и только частично озвученные условия оказались более чем сладкими. Настолько, что сразу же возникло подозрение: где-то здесь есть засада. Изумление выросло после того, как выяснилось: собеседование оказалось платным! Причем хорошие деньги платили мне, а не я. За три часа беседы – три моих актуальных на тот момент месячных зарплаты, представляете? Таких предварительных бесед, напоминающих перекрёстный допрос с пристрастием, тоже было три – я словно полгода отработал! Стало ясно, что подвохи впереди будут, но совсем не те, к которым я морально готовился.

После всех испытаний меня приняли на работу с великолепной зарплатой, льготами и ранней пенсией, отправив на своеобразный КМБ, курс молодого бойца. Вернее, агента.

Сейчас я уже понимаю, что первичный отсев производится при обработке сведений, непрерывно стекающихся в единый информационный центр из поликлиник, больниц и прочих медицинских учреждений. Работа с большими базами данных в специфическом прикладном варианте. Вот таких начерно отобранных людей и приглашают на собеседование.

Ну, а дальше тёмный лес. Конечно, требуется, чтобы здоровье было хорошим, так ведь медкомиссия почти везде есть... Тем не менее, все эти критерии кроются в области биометрии. «Экстре» нужны люди с каким-то особенным организмом, с определёнными параметрами. Проверяется всё, что только можно, много раз и очень тщательно. Меня и в томограф пихали, и какой-то блестящий шлем на голову надевали, заставляли неделю жить, будучи облепленным всякими датчиками, и на все мыслимые виды аллергий царапали, кормили определённым меню с химией... С большинством этих анализов и диагностических исследований я столкнулся впервые.

В чём именно должна заключаться медицинская особенность кандидатов – тайна за семью печатями. Знаю, что в комплекс особенностей входит группа крови, у всех полевых работников она четвёртая отрицательная, это единственный критерий, который мне удалось определить. И я не уверен, что он определяющий. А другие критерии? Мрак. Но есть факт: отобранные для обучения люди обладают уникальной способностью. Это способность многократно проходить Рубеж, границу, разделяющую две реальности, без каких-либо последствий для здоровья. Все остальные жители планеты могут его пересечь лишь единожды, при второй попытке перехода человек неизбежно умирает, без вариантов.

А мы, экстракторы, или, как говорят полевые агенты, извлекатели – нет.

Таких людей на Земле очень и очень мало, поэтому с дополнительными «хотелками» руководителей организации дело швах. Работают они с тем человеческим материалом, который имеется после фильтрации. Именно поэтому в нашей группе нет ни одного спецназовца. Теоретически, где-то по бескрайней России, конечно же, бродит сам по себе уникальный в плане подготовки и боевого опыта спецназовец с уникальной же биометрией, но его пока не изловили.

Как-то раз один из моих инструкторов посетовал, что при комплектации групп был бы полезен и опыт оперативной работы, однако вероятность попадания в «Экстру» сотрудника уголовного розыска так же ничтожна, как и спецназовца ССО – сил специальных операций. Это нам повезло с Кромвелем.

В армии отслужили, кое-что умеем, но не более того. Я неплохой рукопашник, увлекался системами выживания, однако к высококласным стрелкам никогда себя не отнесу, с этим навыком у меня чуть выше, чем средненько. Тем не менее, именно я в группе являюсь силовым элементом. Боевой опыт имеется только у меня, Вторая чеченская. Правда, служил я недолго, и не в спецуре или пехоте, а в артиллерии. Вряд ли это пригодится...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.